

Очередной обман

Г.И. Мясников

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если и говорят, что книги имеют свою «судьбу», то разумеется, что эта «судьба» начинается с момента появления на свет: будут ли ее зачитывать до дыр или она будет спокойно лежать в магазинах, на складах, в библиотеках, в архивах, раздражая всех своим скучным видом, своей ненужностью, своей непристроенностью, чтобы в конце концов пойти на оберточную бумагу.

Да и тогда, когда ее будут читать — много ли, мало ли, то какое она влияние окажет на читающего — даст ли она ему что-нибудь? Откроет ли кусочек истины, правды... Вызовет ли желание пойти той дорогой, куда зовет книга или же она вызовет злобу, раздражение против себя и вокруг нее загорится борьба...

Или, наконец, она вызовет платоническое, бездеятельное сочувствие одних: очень, мол, все это хорошо, но... пусть будет так, как есть, потому что дорога, путь указываемый книгой, это путь тернистый, тяжелый — путь борьбы и лишений, невзгод и страданий... Другие же, проникнувшись к ней злобой и ненавистью, примут все меры, чтобы она попала в разряд кандидатов на скучное прозябание в складах, магазинах, чтобы потом пойти на рынок обслуживать торговцев и покупателя в качестве обертки...

Самая разнообразная, мыслимая и возможная судьба, которую они испытывали, испытывают и будут испытывать — это судьба всех тех, которые уже имели счастье появиться на свет... Предлагаемая же читателю брошюра начала испытывать давление всех сил, будучи еще в «утробе матери своей». Написана она два года тому назад в гор. Эривани, куда автор был сослан после трех с половиной-летнего пребывания в одиночках московской внутренней тюрьмы ГПУ, томской тюрьмы и вятской...

Появилась на свет недозволенным порядком, не законным, а как плод умствований лукавых, как плод дерзаний... и, появившись, должна была прятаться от руки Ирода, от руки потребителя незаконнорожденных и непокорных младенцев... Пришлось ей побывать и в земле сырой, закопанной в железной банке, и томиться, испытывая вечный страх, что вот-вот иродово племя нагрянет и откроет тайник...

А потом... Крадучись, ночью пробирается некто... Зорко глядит по сторонам. Пошел. Остановился у ворот. Поглядел в ту и другую сторону. Все хорошо. Спокойно. Нет никого из племени Ирода... Шмыгнул в ворота и с заднего хода заходит. Стучится. Отворяет.

— Давайте. Мы ее в несколько рук через копировку перепишем за один день. Пусть оригинал идет в Москву, а мы оставим себе копии.

Сказано — сделано.

Оригинал поехал в Москву. Да и поездка — это не просто пойти, взять билет, поудобней устроиться на облюбованном месте в вагоне на шестидневное пребывание в пути... Нет. Это не так. И совершенно исключена возможность отправиться почтой... А, обманывая зоркость племени Ирода, приезжает посланец... И со всеми предосторожностями достигает благополучно до нас. Забирает. И тайно ускользает. А там, в Москве, оригинал копируется всеми способами и ходит по рукам в вечном страхе за свою жизнь и жизнь всех тех, к кому он в руки попадает...

Оставшаяся копия у меня испытала «судьбу» автора... А автор, 7-го ноября 1928 года, вышедши на демонстрацию, домой не возвратился, а где-то по дороге сбрил усы, бороду, волосы, одел другой костюм и с портфелем, туго набитым рукописями, сел на извозчика и поехал на вокзал... А там купил билет до г. Джульфа. И ждал поезда. Поезд опоздал на 2 ч. 30 мин.

Тучи стали рассеиваться... Это нехорошо. Ночь будет светлая... «Эх, темная ночь, выручай!» Луна на ущербе и появится предутренней зарей! Но лучше, если были бы тучи, ветер, дождь или снег... И темно-темно... А нет. Ну и пусть. Приходит поезд. Садится. Тесно. Лезет на верхнюю полку. Удобнее — глаз меньше.

А около двенадцати часов ночи поезд проходил между станциями Дорошан II-ой и Джульфа, и здесь автор на ходу прыгнул с поезда и бегом к реке, чтобы, пользуясь прикрытием поезда и шумом, невидно и неслышно добежать до реки Аракс... Спешно раздевается. Привязывает на голову портфель и одежду и — в Аракс. Вода жжет: холодная, ледяная. Шумит Аракс. Тучи ходят. Идет небольшой снежок. По руслу дует резкий ветер... Переплыл. Она, рожденная головой, переплыла на голове...

А потом... арестовали власти Персии автора и рукописи... Полицейские участки, тюрьмы...

Зорко следит иродово племя. Хотят похитить... И тут, обманывая бдительность и полиции Персии, и ГПУ, уезжают рукописи в одну сторону, а автор бежит в другую...¹

Два раза портфель, оставшийся у меня, видел руки, которые забирали все содержимое... Но рукописей уже не было. Они уехали... И два раза племя Ирода не нашло

¹ Агабеков, рассказавши, что охотились не только за рукописями, но и за головой моей, рассказал не все, что он знает. Почему? Какой хозяин запретил? Сегодняшний или вчерашний? Или оба?

новорожденных бунтовщиков и забирало чистую бумагу... Но вот автор переправляется нелегально через персидско-турецкую границу и снова в полицию, тюрьмы, и ссылку, чтобы потом поехать подальше от мест, где ГПУ чувствует себя хозяином...

Полицейский участок маленького городка Кара-коеса, и там родилась другая: «Краткая критика теории и практики ВКП(б) и Коминтерна».

Без стола и стула, питающийся милостью полицейских. Без единой печатной строки, на бумаге, данной полицейскими, строчка за строчкой ложатся мысли... А потом ссылка в гор. Амасия...

И старания друзей и их поддержка открывают дорогу в Константинополь: приговор на четыре года тюрьмы отменен.

Константинополь и другая: «Какое государство в СССР»

И новая попытка украсть у меня рукописи. Полиция арестовывает Ивана Железова за то, что тот подкупал за 1000 турецких лир, чтобы выкрасть у меня рукописи...

Наконец, Франция ... И то, что не удалось ни в Персии, ни в Турции, то удалось во Франции, в Париже.

Из Персии через Берлин — в Париж, миновав все преграды, приехали мои долгожданные и вновь соединились и с портфелем, в котором они переправлялись через Аракс и с головой, на которой переправлялись и которая родила их. Это был праздник. Большой праздник! А 3-го октября 1930г. их не стало. Не стало и портфеля.

Долгие годы одиночного заключения в ГПУ выращивали их. Надо было не только написать, но и переправить за пределы тюремных стен, а там охранить от Иродова нашествия. А при отправке из одной тюрьмы в другую, а затем в ссылку надо было их провезти. Они жили под вечным страхом истребления... Все миновали, все преодолели и у типографского станка, «среди бела дня», в центре Парижа пропали. И их пропало много: 1) «Немного правды», состоящая из а) двух писем Сталину, по одному Бухарину и Зиновьеву и Рыкову, написанных в одиночках Томской и Вятской тюрем; б) Записка разговора с Максимом Горьким в Эривани; в) И воспоминания о побеге из СССР. 2) «Краткий комментарий Коммунистического Манифеста Карла Маркса и Ф. Энгельса». 3) «О рабочем государстве». 4) «Критика программы Коминтерна». б) Проекты программы и устава Рабочих коммунистических Партий СССР. 6) «Три вопроса». 7) «Краткая критика теории и практики ВКП (б) и Коминтерна» (Или открытое письмо Троцкому по вопросу организации Рабочих Коммунистических Партий СССР. 8) «Мысли материалиста» (неоконченная). 9) «Проект Платформы Рабочего Коммунистического Интернационала». 10) Три главы воспоминаний. 11) Черновики, конспекты, наброски. Полон портфель.

Если это не рука ГПУ, то все те рукописи, которые есть в архивах ГПУ и ЦК ВКП, ЦК обязан возвратить, доказав тем самым, что он не боится появления их в свет. Если это не будет сделано, то этим устанавливается факт, что это сделано агентами ГПУ, по прямому указанию ЦК.

«Очередной обман» случайно миновал судьбы своих товарищей — он был на прочтении. Сохранилась и «Какое государство в СССР». В копиях сохранились в Германии «Краткая Критика теории и практики ВКП(б) и Коминтерна» и «Проект Платформы Рабочего Коммунистического Интернационала». Сохранилась и «Новейшее Ликвидаторство» (ответ Сорину и Бухарину на их книжку «Рабочая Группа» («мясниковщина») и шесть номеров газеты «Рабочий путь к власти», нелегально издававшейся в Москве.

Судьба брошюры «Очередной обман» более счастливая, чем ее родных собратий... Не потому ли, что она меньше всех их? Она выходит в свет после долгих скитаний и мытарств...

Расчет воров простой: автор занят работой по добыванию средств пропитания, и занят весь день. Писать ему нет времени. То, что написано — беспокоит, опасно. На них могут учиться пролетарии всех стран... Из них могут понять природу современной власти в СССР и, поняв, решить вопрос: за что бороться? Гнет и эксплуатация в странах частнособственнического капитализма — невыносимы. Наемное рабство должно быть уничтожено. Но не заменять одну эксплуатацию другой — буржуазную — бюрократической, а уничтожить все виды эксплуатации — такова цель пролетариата. Госкапиталистическая эксплуатация СССР должна быть уничтожена. Но чем заменить? — Вперед или назад? К частнособственному капитализму или к Рабочему государству? Все эти работы освещали эти вопросы, обосновывая ответы как теоретически, излагая философию пролетарской революции, так и практически, разъясняя, что значат слова Маркса: «Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на ступень господствующего класса, завоевание демократии», показывая на истории Парижской Коммуны и опыта трех русских революций, что это означает: давая конкретные, ясные ответы на вопросы — что такое рабочее государство. Это опасно. Бюрократия это понимала и понимает... А отсюда все качества...

Два года прошло с тех пор, как написана брошюрка. Написана она по настоянию товарищей; по настоянию Вр[еменного] Централь[ационного] Бюро Рабочих Коммунистических Партий СССР (Рабочей Группы), считавшего необходимым отозваться на новый трюк бюрократии, выдвинувшей новый лозунг «самокритики». И вот в течение двух с лишним лет этот лозунг не сходит со страниц «Правды» и «Известий» и всех СССР-

овских газет вообще. Это постоянство удивительно. И это делает брошюрку современной, нужной и необходимой. Больше того — за это время этот лозунг, рожденный затхлою атмосферой всевластничества бюрократии, предназначенный исключительно на предмет обмана пролетариев СССР, через Коммунистический Интернационал переключался во все секции и сделался одним из идейно-организационных устоев коммунистических партий всех стран и приобрел тем самым международное значение, и критика его сделалась еще более необходимой.

Вот это перенесение методов организационного строительства из обстановки всевластвующей, господствующей бюрократии, из специфических условий господства, присущих бюрократии: из условий однопартийной формы управления государственного капитализма, перенесение в совершенно иную историческую обстановку, на совершенно иную классовую почву изобличает удивительную «диалектичность» и «марксистскую выдержанность» всего комплекса мыслей, приведших к этому, как у тех, которые это стремятся перенести, так и у тех, кои не критически воспринимают это и рабски проводят в жизнь.

Господствующая бюрократия этим путем свидетельствует факт, что она разделяет судьбу всех до нее господствовавших классов и с критических и диалектических методов мышления перешла к догматическим, видя в форме своего господства идеал государства (и его же не преjdeши), и стремится пролетариату всего мира навязать как программу своего господства, так и организационные методы. Это выявляет классовую сущность и природу ее устремлений, и, помимо всего прочего, она достигает этим путем укрепления своего господства.

От Троцкого до Сталина, от меньшевиков до «Последних Новостей» все политические направления меряют классовую сущность и природу государства СССР — государственной собственностью средств производства и успехами в области экономического строительства.

Платформа 83-х (троцкистов-зиновьевцев), критикуя «теорию построения социализма в одной стране», выдвинула вместо сталинской пятилетки с 9 % роста индустрии свою, интернациональную, пятилетку с 20 %. Им казалось, что 20 % роста — это интернационализм, а 9 % это «национальная узость и ограниченность», а бюрократия во главе со Сталиным взяла да и выдвинула пятилетку с 30 % роста и в течение двух лет успешно проводит ее в жизнь со значительным превышением первоначальных наметок пятилетки, и есть все основания думать, что предположения пятилетки будут выполнены в четыре года. Казалось бы, для всякого честно мыслящего человека обязательным признать, что мерило, критерий «интернационализма» и национальной ограниченности не выдержали

испытания жизни, и разногласия свои обязательно надо обозначить менее возвышенным названием. Конечно, можно сказать, что количество переходит в качество и здесь больше всего это можно ожидать. В самом деле: если не 9 %, а 5 %, а если не 5, а 2 % роста, то в то же самое время сектор частнособственнического хозяйства неминуемо будет расти интенсивнее, и если при 20 % роста индустрии он будет расти 2 %, то при 9 % он будет расти 3-5 %, а при 2 % он неминуемо будет расти 7-9 %, иначе быть не может, так как в противном случае получается остановка развития производительных сил — т.е. крах. Сказать это можно. Но кто может, оставаясь в рамках честного, добросовестного спора, предъявить обвинение Сталину и К°, что они могли пойти на это? Ведь всякому понятно, что вопрос о % роста есть вопрос не принципиальный, а арифметический. Ни Сталин и К°, ни Троцкий-Зиновьев (покойник) ни на минуту не допускали, что % роста государственной промышленности будет ниже % роста частного сектора СССР, а это значит, что частная собственность и частная промышленность, торговля осуждены всем ходом экономического развития на вымирание. Не соха, серп, коса, прялка имеют будущее, а машина, крупнозаводского типа промышленность. Крестьянин — представитель старого, буржуазного мира, мира частной собственности, а бюрократия, организованная в партию и свое государство, распоряжающаяся всеми ресурсами крупной индустрии и индустриального земледелия — она стоит на ступени господствующего класса и олицетворяет в себе представителя крупномашинной промышленности.

Бюрократия — представитель машины — частный собственник, крестьянин — представитель сохи. Борьба не равная. Соха на ладан дышит. Бюрократия совершает свое триумфальное шествие, и это ни на йоту не меняет классовой сущности государства.

Коллективизация — это внедрение государственного капитализма в деревню, как правильно сказал тов. Сапронов. Это первоначальная стадия вытеснения частнособственнического, сошного хозяйства. Второй этап — это превращение всех коллективов в совхозы, а мелкого буржуа в пролетария...

Бюрократия не может остановиться на этапе коллективов, артелей и коммун.

Что такое хорошо оборудованный и организованный коллектив? — Это фабрика, завод сельскохозяйственных продуктов, но разница между фабрикой городской промышленности и коллективом состоит в том, что во главе фабрики стоит бюрократ, единодержавный и единоличный, назначенный комиссией бюрократов, а во главе коллектива стоит выборное управление, и он похож на фабрику, где Советы Рабочих депутатов фабрики управляют производством.

Это принципиально не приемлемо бюрократии. Это соблазн для пролетариата. Он может сказать: вчерашний мелкий буржуа, крестьянин, он может стоять во главе

производства, управляя им, а я потомственный, почетный пролетарий не могу делать этого? — Долой бюрократию, да здравствуют Советы Рабочих депутатов предприятий! — А это смерть бюрократии. Этого она не захочет. И хотя однопартийная форма управления бюрократического государства дает возможность бюрократии подбирать состав правления, но все-таки тут есть много неведомых для бюрократии моментов, и она неминуемо будет стремиться к превращению коллективов, коммун и артелей в совхозы с назначенным директором во главе, чтобы тем самым уничтожить соблазн для пролетариата городов.

Успех государственного капитализма в области экономического развития несомненен. Отрицать его могут только слепцы и реставраторы частнособственнического капитализма. Но эти успехи наряду с кризисом частнособственнического капитализма во всех странах только свидетельствуют одно: государственный капитализм прогрессивнее частнособственнического, сильнее его.

И в самом деле. В 1920 году вся промышленность городов была разорена и доведена до 15-20 % от 1913 года. Белогвардейские орды вкупе и любе с капиталистами всех стран рыскали по стране, уничтожая все, что только можно уничтожить и достигли небывалого в истории успеха в области разорения страны, разрушения ее производственных сил.

С 1921 года в условиях финансовой и экономической блокады начинается тяжелый, длительный процесс восстановления разоренной промышленности. И это достигается в пять лет. К 1926 году промышленность достигла довоенного уровня. А с 1926 по 1930 год достигла 200 % довоенного. И это в условиях отсутствия кредита, финансовой блокады!

Какая страна частнособственнического капитализма могла бы выдержать финансовую блокаду, какую выдержал СССР? И не только дать в этих условиях рост, подобный росту индустрии СССР, а сохраниться и миновать катастрофы? — Такой страны нет. И если в условиях самого тесного экономического сотрудничества и финансирования буржуазия переживает кризис, угрожающий самому существованию ее господства, существованию частной собственности, то что было бы с любой буржуазной страной, если бы она жила в условиях фактической блокады в продолжение больше чем 12 лет? Да начала бы свое развитие с 20 % 1913 года? — Что было бы с ней? Она перестала бы существовать как страна частнособственнического капитализма, в ней была бы революция. А СССР не только живет, но и растет. Растет бурно: так растет, как никогда и ни одна из стран буржуазии. И это при скованности, бюрократической опеке и боязни творческих сил пролетариата, крестьянства и интеллигенции. А что было бы, если бы сами пролетарские массы стояли во главе производства в лице своих Советов Рабочих Депутатов предприятий, во главе распределения в лице Кооперации и во главе государственного контроля и над деятельностью Советов, и над деятельностью Кооперации в лице своих производительных,

профессиональных союзов, да так построенное государство имело бы многопартийную форму управления, обеспечивая все права и свободы и юридически, и фактически за всеми пролетариями, крестьянами и интеллигентами в неизмеримо большей мере, чем в любом буржуазном государстве: свободы коалиций (организации партий), слова, печати, собраний и т. д., давая простор всем творческим силам трудящихся масс, скованных вековым гнетом, насилием — разве тогда могло бы иметь место вредительство? Смоленские, артемовские истории? Мелкие и крупные хищения? А теперь нет ни одного крупного строительства, где бы не было хищения, нет ни одного торгпредства, где не было бы казнокрадства, грабительства. И рост, колоссальный рост, невиданный рост экономического, культурно-бытового строительства показывал бы истинные чудеса. И разве так организованный пролетариат — в свое государство — не являлся бы в действительности отечеством всех трудящихся, угнетенных масс? Разве там не находило бы убежище все разномыслящее рабочее племя — гонимое за борьбу против капитализма? А теперь это убежище бюрократии и при том бюрократии, целиком и полностью разделяющей убеждения бюрократии СССР. И будь ты хоть самым патентованным бюрократам, вроде Троцкого, — но раз ты имеешь самые малюсенькие, крохотные разногласия вроде тех, что имели и имеют наши именитые оппозиционеры, сущность которых сводилась к тому, с какого волоса начинается плешь или с какого % роста производства начинается интернационализм — и эти не имеют права думать вслух, «смеяться скопом» и рассаживаются по тюрьмам, рассылаются по гиблым местам, изгоняются из страны, а то и пристреливаются в тиши внутренних тюрем ГПУ, то все многомиллионное пролетарское племя всех стран, все разномыслящее, разноязычное, стремящееся низвергнуть наемное рабство не могут видеть в нем своего отечества. И если все-таки влияние бюрократии СССР велико, то это происходит за счет эксплуатации ореола русской ноябрьской революции и во-вторых — служит показателем того, как тяжело живет пролетариату: хоть черту на рога, но чтобы избавиться от вечного наемного рабства. И одним фактом своего существования Рабочее Государство делало бы больше, чем все ухищрения бюрократии, чем все златоусты и писатели. Оно было бы набатным зовом, зовущим на сокрушение стен эксплуататорского Иерихона.

Успехи СССР в области экономического строительства показывают лишь, что государственный капитализм сильнее частнособственнического, как успехи буржуазии своего времени показывали прогрессивность ее производственных отношений по сравнению с феодальными.

Те же доказательства, что бюрократия СССР борется против частнособственнического капитализма, как внутри Союза так и вне его доказывают, что

государственный капитализм враждебен частнособственническому и являются доказательствами того, что бюрократия верна своим классовым интересам. Как и буржуазия, борясь с СССР, остается верной своим классовым интересам, охраняя свое господство. Она не хочет быть экспропрированной ни бюрократией, ни пролетариатом. И это ни в какой мере не может служить доказательством пролетарской сущности государства СССР.

На частном вопросе «о самокритике» брошюра освещает вопросы программы: за что бороться, вопросы тактики — как бороться, вопросы устава — как строить ряды, чтобы победить. Но все эти вопросы мало разработаны. Другие, сохранившиеся рукописи: 1) «Краткая критика теории и практики ВКП (б) и Коминтерна», 2) «Какое государство в СССР», 3) «Проект платформы Рабочего Коммунистического Интернационала», 4) «Проект Устава Рабочих Коммунистических Партий СССР» — дают более конкретный материал для программно-тактической уставной дискуссии.

Товарищи, те, что действительно болеют и мучаются болезнями и муками пролетариата, все, что дерзают смель суждения свои иметь, все, что смелое и честное есть в пролетариате всех стран, пойдут на эту дискуссию. Они должны знать, за что бороться, как бороться и как строить свои ряды, чтобы победить. Ясные, точные ответы на эти вопросы развяжут энергию пролетариата и помогут организовать для боя и побед.

Заграничное представительство временного Центрального Бюро Рабочих Коммунистических Партий СССР не имеет материальной возможности пользоваться формально, законно признанными свободами буржуазным государством и не может без помощи товарищей издать эти материалы. Необходима материальная поддержка. Будь эта поддержка, мои рукописи не были бы украдены, а давным-давно были бы в печати. Помогайте, товарищи!

Вторая помощь — это продвижение всех брошюр, книг в СССР пролетариям СССР. Надо найти пути, закрепить их и начать работу.

Прекратившийся журнал «Рабочий Путь к власти» должен быть продолжен изданием здесь. Нужны средства, сотрудничество, связи.

Помогайте!

Автор

Октябрь, 1930 г.

СЛОВО ПОКОЙНИКАМ

(Вместо введения)

В сентябре 1843 г. Маркс писал Руге:

«До сих пор философы имели в своем портфеле разрешение всех загадок, и глупому миру непосвященных оставалось только раскрыть рты, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки. Теперь философия сделалась светской... Если конструирование будущего и окончательные результаты для всех грядущих времен не наше дело, то я говорю о беспощадной критике всего существующего, беспощадной в двух смыслах: в том, что эта критика не боится собственных результатов, и в том, что она не отступает от столкновения с предрержащими властями».

Этому критическому настроению одного из будущих авторов «Манифеста» вполне соответствовало настроение другого его автора, Фридриха Энгельса, как это хорошо видно из его интересной статьи, в которой много места отведено изложению взглядов Карлейля.

Карлейль признавался, что у него нет никаких «мориносовых пилюль», никаких панацей для лечения общественных бедствий. Указав на это признание, Энгельс замечает: «В этом он тоже прав. Еще не совершенна та общественная философия, которая выдает два три положения за свой конечный результат и предлагает «мориносовые пилюли». Нам не так нужны голые результаты, как изучение. Результаты без развития, которое ведет к ним — ничто: это мы уже знаем со времени Гегеля. А результаты, которые фиксируются как неизменные и не кладутся в основу дальнейшего развития, хуже, чем бесполезны. Но результаты все-таки должны принять определенную, хотя и временную форму; развитие должно вывести их из туманной неопределенности и сделать из них ясные мысли».

В течение времени, протекшего с тех пор, как написаны были эти строчки, социальная философия Маркса-Энгельса тоже пришла в своем развитии к известным результатам, которые получили первое систематическое выражение в «Манифесте Коммунистической партии» и затем пополнялись в других сочинениях авторов. Эти результаты никогда не грешили туманной неопределенностью... Но если справедливо замечание Энгельса о том, что надо дорожить не столько результатами, сколько тем развитием, которое ведет к ним, и что вообще результаты имеют лишь временное значение, то можно спросить себя: не устарели ли результаты, изложенные в «Манифесте», и не осуждены ли они дальнейшим ходом того самого развития, которое некогда привело к ним? Один остроумный француз заметил, что он не хотел бы думать как Вольтер в такое время, когда Вольтер думал бы иначе. Если бы мы захотели думать, как Маркс и Энгельс в такое время, когда Маркс и Энгельс думали бы иначе, то показали бы этим полную неспособность усвоить живой критический дух их учения и, отстаивая его мертвую букву, мы были бы от него гораздо

дальше, чем те догматики, о которых говорил Маркс в цитированном выше письме к Арнольду Руге.

Маркс и Энгельс беспощадно критиковали все существующее и не боялись результатов своей критики. Ученики Маркса и Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые их учителями.

Казалось бы, что это само собой разумеется и что говорить об этом излишне, говорит Г.В. Плеханов, но это не правда, что это само собой разумеется и совсем не излишне об этом говорить теперь, в наше время, когда самой высокой добродетелью провозглашается слепая вера в мудрость «философов», заседающих в Политбюро ЦК ВКП, которые «имеют в своих портфелях разрешение всех загадок, и глупому миру не посвященных пролетариев остается только раскрыть рот, чтобы ловить жареных рябчиков абсолютной науки». Совсем не лишне об этом говорить, когда «всякая критика линии партии, линии ЦК ВКП и справа и слева считается меньшевизмом» со всеми вытекающими отсюда последствиями для дерзновенных критиков. Неправда, что ЦК ВКП не имеет «мориносовых пилюль», никаких панацей для лечения общественных недугов»; если бы не имел, то критику считал не только уделом дерзких головорезов, но долгом каждого марксиста, долгом каждого революционера. А что они похожи на догматиков, о которых говорил К. Маркс, и, по мысли Г.В. Плеханова, стоят гораздо дальше от Маркса, чем эти догматики, так в наше время никого, уважаемый папаша русского марксизма, в ЦК ВКП этим не смутишь.

Хорошо Вам, уважаемый Г.В. Плеханов, говорить что «ученики Маркса-Энгельса не должны бояться критиковать результаты, добытые их учителями», когда Вы находитесь вне пределов досягаемости. А мы вот, следуя Вашему совету, попробовали критиковать «результаты», добытые учениками Маркса-Энгельса, и испытали и испытываем неловкости «результатов» нашей критики. Но так как Вы нас учили, следуя Марксу-Энгельсу, не «отступать от столкновения с предрержащими властями», то мы решили продолжать думать так, как бы думали Маркс и Энгельс, находясь в нашем положении.

И это делаем потому, что: «Сознательные рабочие, ведя дальше свое движение, должны постоянно оглядываться на пройденный рабочим движением путь и обдумывать снова и снова, правилен ли этот путь, нет ли возможности улучшить его». И потому, что: «Только людям неумным и боящимся участия широких масс в политике кажутся неуместными или излишними открытые и страстные споры о тактике, которые постоянно наблюдаются в рабочей печати. На самом деле именно эти горячие споры и помогают тому, чтобы все рабочие втягивались, приучались всесторонне обдумывать свою, рабочую политику, выработывали твердую, ясную, определенную классовую линию движения», —

как говорил другой, бывший в то время, когда Вы писали свое «Предисловие», в 1900 г. Вашим другом и соратником, другой ученик Маркса и Энгельса Н. Ленин.

Но кроме того этот же Н. Ленин говорил: «Бывают такие споры и такая борьба мнений в печати, которые помогают читателям понять вопросы политики, глубже дать себе отчет в их значении, тверже решить их.

Бывают споры, которые вырождаются в перебранку, в сплетни и дразги.

Передовым рабочим, которые знают свою ответственность за ход работы, превращающей и организующей пролетариат, надо внимательнейшим образом смотреть за тем, чтобы *неизбежные* споры, *неизбежная* борьба мнений *не вырождались* в перебранку, сплетни, дразги, клевету».

Он же находил, что «политическая невоспитанность россиян сказывается, между прочим, в неумении искать точных доказательств по спорным и важным историческим вопросам, в наивном доверии к восклицаниям и выкрикам, к заверениям и клятвам заинтересованных лиц» (стр. 14). И что «всякий разумный человек понимает, что если идет горячая борьба из-за какого бы то ни было предмета, то для установления истины необходимо не ограничиваться заявлениями спорящих сторон, а самому проверять *факты* и *документы*, самому разбирать, есть ли показания свидетелей и достоверны ли эти показания.

«Спора нет, это сделать не всегда легко. Гораздо «легче» брать на веру то, что попадаетея, что *доведется* услышать, о чем более «открыто» кричат и тому подобное.

Но только людей, удовлетворяющихся этим, зовут «легонькими», легковесными людьми, и никто с ним серьезно не считается. Без известного *самостоятельного* труда ни в одном серьезном деле истины не найти, и кто боится труда, тот сам себя лишает возможности найти истину» (стр. 84).

«Только тот заслуживает названия члена партии и создателя рабочей партии, кто внимательно изучает, обдумывает и самостоятельно решает вопросы и *судьбы* своей партии» (стр. 116).

«Поэтому мы обращаемся только к тем рабочим, которые этого труда не боятся, которые решились самостоятельно разбираться и стараться найти факты, документы, свидетельские показания» (стр. 84).

Причем не бояться критиковать результаты, добытые Марксом-Энгельсом — не Плехановым, не Лениным и не ЦК РКП.

Тов. Ленин говорит: «Тов. Чудновский говорил здесь о том, что он позволил себе подвергнуть действия комиссаров резкой критике. Здесь не может быть речи о том, можно

или нельзя позволить себе резкой критики, эта критика составляет долг революционера, и народные комиссары не считают себя непогрешимыми. Критика — долг революционера!»

Бюрократическое вранье и пролетариат

Всякий грамотный и неграмотный рабочий и крестьянин неожиданно оглушен воем и криками всех партийно-советских профессиональных бюрократов о «самокритике».

Каждая газета, каждый журнал только что голосили, завывали, требуя расправы со всяким иначе-думающим — оппозиционным рабочим, крестьянином и пролетарским интеллигентом, — требуя применения крови и железа, требуя расправ направо и налево. И вот, расовав не одну тысячу рабочих, крестьян и интеллигентов по тюрьмам и ссылкам очень «социалистического» отечества, эта бюрократическая орава вдруг заголосила благим матом о «критике», «самокритике», о «беспощадной, сверху до низу, критике»! В чем дело? Почему эта бюрократическая орава, решающая все важнейшие вопросы многомиллионной страны вдали от пролетарских и крестьянских глаз, в тиши кабинетов политбюро ЦК ВКП(б), постановления которого объявляются более непогрешимыми, чем постановления святейшего синода, почему она, только что расправившись с честнейшими рабочими, крестьянами и интеллигентами без всякого гласного суда, без права защиты, Шемякинским судом застенков, только потому, что эти честные революционеры дерзнули смель свое суждение иметь, да и высказать его, расправившись более жестоко, чем самое подлое из подлых буржуазных правительств (Бела Кун осужден буржуазным, гласным судом к 3 месяцам тюрьмы, а организатор побега из германской тюрьмы, т. Браун, осужден на 6 месяцев), вдруг провозглашает лозунг самокритики?

Партийные и беспартийные рабочие, крестьяне и интеллигенты ошеломлены этим наглым лицемерием и стоят в недоумении: неужели поворот? Неужели теперь над иначе-думающими, чем бюрократия из Политбюро ЦК ВКП(б), рабочими, крестьянами, интеллигентами не будут учинять безгласной, в тиши подвалов ГПУ, внесудебной расправы за то, что они будут высказываться на собрании и в печати? Неужели отныне постановления бюрократии, заседающей в Политбюро ЦК ВКП(б), теряют свою святость и неприкосновенность? Неужели постановления оравы бюрократов, съезжающихся на вселенские и поместные соборы (партсъезды), можно критиковать и вести борьбу за их изменение, набирая большинство? Разумеется, нет. Это очередной обман бюрократии.

Недовольство рабоче-крестьянских масс всевластием, бесконтрольностью, произволом, казнокрадством бюрократии, неспособной даже на самое простое дело: обеспечить хлебом города страны, экспортирующей хлеб, настолько велико, что

бюрократия, организованная в господствующий класс и партию, стоящая во главе производства, распределения и государства, вновь почувствовала, что расправа с оппозиционными пролетариями, крестьянами и интеллигенцией не помогли ей, и почва под ее ногами стала более горячей, чем когда-либо. Вот почему она так неистово завопила о «бюрократизме», о «самокритике».

Но, разумеется, «самокритика», «критика» — должны идти на пользу бюрократии, укоренить власть и господство бюрократии, очистив ряды этой бюрократии от явных казнокрадов, растлителей, бандитов, особенно озлобляющих пролетариат и крестьянство, и этим путем отвести их недовольство самой системой господства бюрократии на мелочи: на уголовные делишки мелкой сошки от бюрократии, бюрократической мелкой шпанки. Бюрократия борется за «честных» бюрократов и призывает рабочих и крестьян помочь ей почистить бюрократические конюшни. Вот рамки «критики», «самокритики», выход за которые бюрократия будет «пресекать» всеми средствами: подкупом, клеветой, тайной расправой в ГПУ, ссылками и тюрьмами. Рабочий класс, трудовики крестьяне, а также честная, пролетарски мыслящая интеллигенция — будут бороться за уничтожение господства бюрократии, за слом всей бюрократической машины, за устранение бюрократии от руководства производством и за замену ее Советами Рабочих Депутатов предприятий, выбирающими все органы управления промышленностью: правления трестов, синдикатов, ВСНХ, в то же время делая эти Советы «основными ячейками государственной власти» (программа РКП(б)); они будут бороться за устранение бюрократии от руководства торговлей, за уничтожение всех наркомторгов, госторгов и передачи всех капиталов, прав и обязанностей кооперации; они будут бороться за устранение бюрократии от государственного контроля и передачу всех прав и обязанностей бюрократической, а не рабоче-крестьянской инспекции, производственным (профессиональным) союзам; они будут бороться за рабочее государство, за диктатуру пролетариата, за пролетарскую демократию, зная, что бюрократия не способна хоть в какой-нибудь значительной мере уничтожить казнокрадство, взяточничество, произвол, издевательства, угнетение и эксплуатацию рабоче-крестьянской массы.

И хотя в своей повседневной борьбе пролетариат будет бороться за частичные требования, за частичное уничтожение бюрократического зла, повышение заработной платы, улучшение охраны труда и прочие реформы социал-бюрократического режима, но борясь с бюрократическим злом, пролетариат должен знать природу этого зла, которая лежит в самой системе государственного капитализма, во всей системе социал-бюрократического строя.

Только уничтожение этого строя и замена его рабочим государством уничтожит самую почву бюрократии и пакостей ее.

2. Бюрократическая ложь в прошлом и настоящем

Не первый раз социал-бюрократия криками о критике, самокритике, о демократии советской и пролетарской заглушает свой страх перед растущим недовольством рабоче-крестьянских масс, прикрывая в тоже время этим «свободолюбивым» завыванием расправы с иначе-мыслящими пролетариями, крестьянством и интеллигенцией.

Все помнят, как в 1923 году после самых свирепых расправ с пролетариями из «Рабочей группы» РКП(б), преступления которых состояли в том, что они выступили с критикой теории и практики бюрократии в «Манифесте Рабочей группы», выступили с критикой «скопом», группой, критикой организованной, — все помнят, как учинив свирепую, тайную, подвально-гепеускую расправу над ними, бюрократия тогда также заголосила благим матом о советской демократии, о пролетарской демократии. Как потом, в 1924-25 годах, когда недовольство рабоче-крестьянских масс стало выливаться в стихийные забастовки и восстания, эта бюрократия вновь и вновь завопила о «критике» и «самокритике». Так, на XIII Московской партконференции в январе 1925 года теперешний вожак бюрократии Сталин говорил: «Вопрос стоит так: либо мы, вся партия, дадим беспартийным рабочим и крестьянам критиковать себя, либо нас пойдут критиковать путем восстаний». Грузинское восстание — это была критика. Тамбовское восстание — тоже была критика. Восстание в Кронштадте — чем же это не критика?

«Одно из двух: либо мы откажемся от чиновничьего благополучия и чиновничьего подхода к делу, не будем бояться критики и дадим критиковать себя всем беспартийным рабочим и крестьянам, которые ведь испытывают на собственной спине результаты наших ошибок; либо недовольство будет накапливаться, будет нарастать, и тогда критика пойдет путем восстаний».¹

Кто не узнает в этой речи испуганного, паникерствующего чинушу, до которого докатились волны рабоче-крестьянского недовольства, и который все пообещает, чтобы потом, как только усмирят рабочих и крестьян совокупным действием лжи, провокаций, подкупов и насилия, обмануть их?

Тамбовское, грузинское и кронштадтское восстания — это была критика. Критика рабочих и крестьян принимала форму восстаний и забастовок потому, что они до сих пор не имели права иной критики линии правящей бюрократии и ее партии, права критики устным и печатным словом, сознается Сталин, поэтому-то он и говорит: «Либо мы дадим

критиковать себя (бюрократию) всем беспартийным рабочим и крестьянам, либо недовольство будет накапливаться, нарастать и тогда пойдет критика путем восстаний».¹

Значит, по признанию вожака бюрократии Сталина, до 1925 года рабочие и крестьяне были лишены всех политических прав: свободы слова, печати, собраний, организации партий (свободы союзов), лишены права критики.

Всевластие, произвол, насилия бюрократии не имеют никакого предела. Потому-то рабочие и крестьяне, испытывая на собственной спине результаты политики Сталиных и К^о и доведенные до отчаяния, решили выявить свое недовольство путем восстаний и забастовок.

«Либо мы откажемся от чиновничьего благополучия и чиновничьего подхода к делу, не будем бояться критики и дадим критиковать себя всем беспартийным рабочим и крестьянам, — либо недовольство будет накапливаться, нарастать, и тогда критика пойдет путем восстаний».

Сам вождь бюрократии от имени всей бюрократии изрекает «свободолюбивые» либеральные фразы и выбалтывает, что на эти фразы его вынуждает страх перед растущим недовольством рабочих и крестьян, которое может вылиться в форму восстаний. Кроме того, этот главчинуша зовет своих собратий отказаться от чиновничьего благополучия, от чиновничьего подхода к делу, т. е. призывает их изменить своей мелкобуржуазно-бюрократической природе. Разумеется, что из этого ничего не вышло. И сам вождь, как и вся орава чиновников, как были бюрократами, так ими и остались.

Замечательно в этом паническом признании вожака бюрократии то, что «*чиновничий*», «бюрократический» подход к делу загонял недовольство внутрь; что всякая критика со стороны рабочих и крестьян и справа и слева всей линии этих бюрократов и их партии считалась меньшевизмом и контрреволюцией и с ней расправлялись втихомолку, вдали от пролетарских глаз, в тиши подвалов ГПУ, и тем не менее это не спасло бюрократию, и вождь зовет ее отказаться от бюрократического подхода к делу и дать возможность критиковать себя, не доводя своим «бюрократическим подходом к делу» — т. е. произволом и насилием — рабочих и крестьян до критики путем восстаний и забастовок.

«Самая большая опасность, — продолжает Сталин, — состоит в том, что многие наши товарищи не понимают этой особенности положения в данный момент. Часто говорят: что же в Москве наши лидеры взяли за моду говорить о крестьянстве? Это, должно быть, не серьезно. Это дипломатия. Москве нужно, чтобы эти речи говорились для заграницы. А мы будем продолжать старую политику» (там же). «Вся беда, самая большая опасность состоит

¹ См.: «Правда», № 24, 30 января 1925 г.

в том, что местные работники будут рассматривать новую линию не как линию, а как способ обьегоривания заграницы, и будут по-старому, по чиновничьи подходить к делу, рассматривая, как и раньше, всякую критику и справа, и слева, и со стороны крестьян, и со стороны рабочих как меньшевизм, как контрреволюцию и по-старому же будут расправляться с нею: *будут «тащить и не пущать»*.

Сталин сознается, что ему могут не поверить даже его товарищи, так как часто говорились эти «свободолюбивые» речи о свободе критики для обмана рабоче-крестьянских масс, и местные работники могут посмотреть на это как на очередной трюк, фокус на предмет обмана рабоче-крестьянских масс.

Так оно и оказалось. Если бы была свобода критики с 1925 года для всех рабочих и крестьян, то зачем же вновь в 1928 году заговаривать о «самокритике» и «критике»? Тогда обманывали на «критике» для всех рабочих и крестьян, а теперь на «самокритике».

Не только беспартийным рабочим и крестьянам нельзя критиковать всевластующую бюрократию, т. е. издавать газеты, журналы, книги не бюрократического толка, не казенного направления, выступать на собраниях, организовываться в группы, партии и выступать на выборах, конкурируя с партийной бюрократией, но и нельзя было выступать с критикой партийным же товарищам, а как только выступили да попробовали отстаивать свою точку зрения, и бороться в партии за большинство, так тогда с ними расправлялись со свирепостью и жестокостью, которой позавидовали бы даже твердолобые фашисты Италии, расправляющиеся с коммунистами, в большинстве случаев, через гласный суд. А у нас гласный суд существует для воров, убийц, растлителей, казнокрадов, белобандитов, генералов, капиталистов и их наймитов, а с инакомыслящими пролетариями, крестьянами и интеллигентами расправляются втихомолку, в тиши подвалов ГПУ. И пока не обеспечат за рабочими, крестьянами, интеллигенцией самых элементарных прав на гласный суд и на право защиты, которые признаны за всеми категориями уголовных преступников, а также за шпионами, провокаторами, жандармами, генералами и т. д., и т. п., пока с инакомыслящими рабочими, крестьянами, интеллигентами будут расправляться в тиши подвалов ГПУ без права гласной защиты, пока будет существовать для них Шемякинский суд застенков, — до тех пор рабочие и крестьяне не могут поверить бюрократии и их жожакам, что они действительно допускают свободу критики, до тех пор всякие разговоры о критике и самокритике есть наглая ложь, обман и провокация.

В 1925 году бюрократия выступила с лозунгом «критики для всех рабочих и крестьян». В 1928 году с лозунгом самокритики. Но цена этим лозунгам одна и та же, ибо и в 1925, и в 1928 годах ГПУ расправлялось и продолжает расправляться со всяким инакомыслящим рабочим, крестьянином и интеллигентом в своих застенках без гласного

суда, без прав защиты. И пока томятся в тюрьмах и ссылках рабочие, крестьяне и интеллигенты, засажены туда за инакомыслие, за политику, без гласного суда, без права гласной защиты, до тех пор никто не может поверить клятвам и заверениям Сталиных и К°, что это не очередной бюрократический обман.

3. Разделение труда у бюрократов

Во всех удобных и неудобных случаях, под всякими предложениями и без всякого предложения бюрократические вожаки из Цека ВКП(б) объясняются в любви к пролетариату и сердито порицают бюрократизм. Каждый раз лечение недугов бюрократической машины государства они обещают проводить через вовлечение рабочих и крестьян в государственную работу, и каждый раз все это кончается тем, что они несколько бюрократов из интеллигентов и крестьян заменяют бюрократами из рабочих, чтобы спекулировать на рабочем происхождении чиновников. Но как президент Германской республики — шорник Эберт, как президент Совета министров деревообделочник Шейдеман, как токарь по металлу военный министр Носке и т. д. и т. п. не меняли сущности буржуазного государства, так не изменят чиновники из рабочих сущности социал-бюрократического, госкапиталистического строя. Как для превращения буржуазного государства в государство рабочее необходимо «возвышение пролетариата на ступень господствующего класса», так и для превращения социал-бюрократического государства госкапиталистического строя в государство рабочее необходимо возвышение пролетариата на ступень господствующего класса. Разница только в том, что в частнокапиталистическом обществе пролетариат устраняет от руководства производством и распределением буржуазию, захватывая в руки Советов Рабочих Депутатов предприятия, управление всем производством, а в руки кооперации весь торговый аппарат буржуазии, становясь главой распределения; делая производственные (профессиональные) союзы организациями государственного контроля и над работой Советов Рабочих Депутатов предприятий и кооперации. В госкапиталистическом же обществе рабочий класс устраняет от руководства производством и распределением бюрократию, ставя на место бюрократов: директоров, начей, завов и т. д., Советы Рабочих Депутатов предприятий во главе производства, кооперацию во главе распределения и союзы во главе контроля. В частнокапиталистическом обществе пролетариат низвергает со ступени господствующего класса буржуазию, а в госкапиталистическом обществе — бюрократию. Там он разрушает буржуазную государственную машину, а здесь *бюрократическую*. Буржуазия борется против попыток пролетариата возвыситься на ступень господствующего класса, борется и

будет бороться против попыток пролетариата стать господствующим классом и бюрократия. Буржуазия охраняет свое классовое господство, бюрократия – свое. Социал-прохвосты из II-го и Амстердамского Интернационалов, охраняя господство буржуазии, неистово орут, что они борются за социализм, а социал-бюрократы из Политбюро, охраняя госкапиталистический строй, называют его социализмом и рабочим государством.

Чего не хочет буржуазия? Превращения пролетариата в господствующий класс, превращения Советов Рабочих депутатов предприятий в главу производства и «в основную ячейку государственной власти» (программа РКП), а кооперации — в главу распределения. Этого буржуазия не хочет, ибо это ее гибель, смерть. Но почему не хотят этого Сталины и К^о, так громко кричащие о том, что они за вовлечение рабочих в хозяйственно-государственную работу, что они борются за рабочее государство, за коммунизм? Как только поставишь этот вопрос – все становится ясным, все фразы, все хорошие слова о коммунизме, о диктатуре пролетариата, – все сразу становится очевидной для всякого рабочего ложью, наглым обманом, сплошным лицемерием. Сталины, Бухарины и К^о не хотят организации Советов Рабочих Депутатов предприятий и передачи им управления производством, а кооперации — передачи всей торговли, всех прав и обязанностей и капиталов наркомторгов, госторгов, и передачи всех функций рабоче-крестьянской инспекции – производственным союзам. Не хотят этого потому же, почему не хочет и буржуазия. Те и другие охраняют свое господство, свои классовые, корыстные интересы – прикрывая эту защиту различными хорошими разговорами.

Если Советы Рабочих Депутатов предприятий будут управлять всей промышленностью, принадлежащей государству, по общему плану для всей промышленности, являясь в тоже время «основными ячейками государственной власти», как говорится в программе РКП(б), а кооперация возьмет всю госторговлю, все права и обязанности и капиталы наркомторгов, госторгов, производственные же союзы возьмут себе всю совокупность прав и обязанностей Рабкрина, то вот та партия, которая добивается этого и, добившись, будет руководить так организованным пролетариатом, – какой она партией является? Рабочей или буржуазной? Ясно, что рабочей!!!

А вот та партия, которая всеми мерами и средствами борется против превращения пролетариата в господствующий класс: во главу производства, распределения, контроля и государства, то какой партией она является? Антирабочей, противпролетарской. Если же это есть партия, которая защищает от нападений пролетариата частнокапиталистический строй, то это будет партия буржуазная. Если же партия защищает госкапиталистический строй, то эта партия бюрократическая. Когда пролетариат организован в Советы Рабочих Депутатов предприятий, в кооперацию, в профсоюзы, да стоит во главе производства,

распределения контроля и государства, то это ведь и есть смерть бюрократии. И тот, кто стоит против такого превращения пролетариата в господствующий класс, тот на самом деле стоит против борьбы с бюрократизмом, тот криками о критике, самокритике, о борьбе с бюрократизмом – прикрывает свою собственную классовую сущность: одни бюрократы управляют производством, другие торговлей, третьи ими обоими, а четвертые говорят и пишут о бюрократизме, критике, самокритике: простое разделение труда между бюрократами на предмет укрепления экономического и политического господства этих бюрократов и физического и духовного порабощения пролетариата.

4. Рабочая революция и рабочее государство

«Первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на ступень господствующего класса, завоевание демократии», – говорят Маркс-Энгельс в «Коммун<истическом> Манифесте».

Рабочая революция есть та революция, которая первым своим шагом возвышает пролетариат на ступень господствующего класса, ставит во главе производства и распределения.

Как пролетариат может возвыситься на ступень господствующего класса? Как он для этого должен быть организован?

В этом же «Коммун<истическом> Манифесте» Маркс-Энгельс говорят, что выполнить свою историческую миссию могильщика буржуазии пролетариат может, только организовавшись в класс посредством ассоциации. Это значит, что только охватывающим поголовно весь пролетариат коллективом пролетариат может подняться на ступень господствующего класса и взять на себя все функции по управлению производством и распределением, которые до рабочей революции были в руках буржуазии, которые и делали буржуазию экономически господствующим классом. Захватывая в свои руки, в руки своей поголовной классовой ассоциации весь аппарат управления производством и распределением, пролетариат не перестанет быть производящим, работающим классом, работающим коллективом.

Это поголовно организованный пролетариат организует производство, работу, сам же и работает, это самоорганизующийся, самовозглавляющийся труд, работающая артель, корпорация, коллегия, как называл позже Маркс.

Изучая опыт Парижской Коммуны, Маркс-Энгельс дали наглядное, практическое разъяснение, что такое пролетариат, возвышавшийся на ступень господствующего класса.

«Самым важным декретом Парижской Коммуны предписывалась такая организация крупной промышленности и даже мануфактуры, для которой не только требовались ассоциации на каждой данной фабрике и заводе, но и нужно было объединить все отдельные ассоциации в один большой союз».

«Такая организация производства, – как Маркс справедливо заметил в «Гражданской войне <во Франции>», – с необходимостью вела к коммунизму, к прямой противоположности прудонизма»².

Маркс-Энгельс категорически утверждают, что только такая организация пролетариата, организация его в Советы Рабочих Депутатов предприятий, объединенных в один большой союз, охватывающий все отдельные фабрично-заводские советы, с необходимостью ведет к коммунизму:

«Тайна Коммуны заключается в том, что она по существу своему была правительством рабочего класса, результатом борьбы между классом производящим и классом присваивающим, той давно искомой формой, в которой и могло совершиться экономическое освобождение труда.

Без этого последнего условия – коммуна немислима, без него она пустой призрак, обман. Политическое господство производителей не может существовать рядом с увековечением их социального рабства. Коммуна должна была поэтому служить орудием ниспровержения тех экономических устоев, на которых зиждется самое существование классов, а следовательно, и классовое господство»³.

«Ассоциация», поголовная, всеобъемлющая организация пролетариата на каждом предприятии ниспровергала власть собственника буржуа-эксплуататора; сам поголовно организованный в «ассоциации» – в Советы Рабочих Депутатов предприятий, — пролетариат вставал во главе производства, превращая эту ассоциацию в «основную ячейку» государства. Этим он ниспровергал те экономические устои, на которых держалось самое существование классов, а, следовательно, и классовое господство. Без этого условия Коммуна (рабочее государство) немислима, она превратится в пустой призрак, в обман.

Тайна-то Коммуны и заключалась в том, что «ассоциация» пролетариата встала во главе производства, во главе труда. Такая организация, как Советы Рабочих Депутатов предприятий, и ведет с необходимостью к коммунизму. Это-то и есть давно искомая

² Энгельс. Предисловие к «Гражданской войне во Франции» 1891 г.

³ Маркс. «Гражданская война во Франции».

политическая форма, в которой и может совершиться экономическое освобождение труда. Вот единственная дорога к коммунизму.

Ленин в своем [sic] «Государство и революция», развивая мысли Маркса-Энгельса, пишет: «Один остроумный немецкий социал-демократ 70-х годов прошлого века назвал почту образцом социалистического хозяйства. Это верно. Теперь почти все хозяйство организовано по типу государственно-капиталистической монополии. Империализм сводит все тресты в организации подобного типа. Над простыми рабочими, которые завалены работой и голодают, здесь стоит та же *буржуазная бюрократия*. Но механизм общественного хозяйничанья уже готов. Свергнуть капиталистов, разбить железной рукой вооруженных рабочих сопротивление этих эксплуататоров, сломать бюрократическую машину современного государства – и перед нами освобожденный от паразита высокотехнически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные [в Сов<еты> Раб<очих> Деп<утатов> — Г.М.] рабочие, нанимая техников, надсмотрщиков, бухгалтеров, оплачивая всех их, как и всех государственных чиновников, заработной платой рабочего. Вот задача конкретная, практическая, осуществимая тотчас же по отношению ко всем трестам, избавляющая трудящихся от эксплуатации, учитывающая опыт практически уже начатый (особенно в области государственного строительства) Коммуной.

Вот какое государство на какой экономической основе нам необходимо строить. Вот что дает уничтожение парламентаризма и сохранение представительных учреждений [Сов<етов> Раб<очих> Деп<утатов> предприятий – Г.М.], вот что избавит трудящиеся массы от проституирования этих учреждений буржуазией».

В споре с Каутским по вопросу о рабочем государстве Ленин пишет: «В социалистическом обществе, пишет Каутский, могут существовать рядом друг с другом самые различные формы предприятий: бюрократические (???), тредюнионистские, кооперативные и единоличные. Существуют, например, предприятия, которые не могут обойтись без бюрократических организаций, таковые, например, – железные дороги. Тут демократическая организация может получить такой вид: рабочие выбирают делегатов, которые образуют нечто вроде парламента, и этот парламент устанавливает распорядок работ и наблюдает за управлением бюрократического аппарата. Другие предприятия можно передать в ведение рабочих союзов, третьи можно организовать на кооперативных началах». Так пишет Каутский.

«Это рассуждение ошибочно, представляя из себя шаг назад по сравнению с тем, что разъясняли в 70-х годах Маркс и Энгельс на примере уроков Коммуны», – возражает Ленин.

«Железные дороги решительно ничем не отличаются с точки зрения необходимой будто бы бюрократической организации от всех вообще предприятий, крупной машинной индустрии, от любой фабрики, большого магазина, крупнокапиталистического сельскохозяйственного предприятия. Во всех таких предприятиях техника предписывает безусловно строжайшую дисциплину, величайшую аккуратность при выполнении каждым указанной ему доли работы под угрозой остановки всего дела или порчи механизма, порчи продукта. Во всех таких предприятиях рабочие будут, конечно, выбирать делегатов, которые «образуют нечто вроде парламента» [СРД пред<приятий> — Г.М.]. Как видим, Ленин, когда он был революционным марксистом, не мыслил себе рабочего государства без СРД п., без «ассоциаций» пролетариата, стоящих во главе производства на месте свергнутой буржуазии. Вслед за Марксом и Энгельсом он видел в этих СРД п. «давно искомую политическую форму, в которой может свершиться экономическое освобождение труда». И вне этой «политической формы» рабочее государство немислимо, оно превращается в пустой призрак, обман.

А Сталины, Бухарины и К^о сажают в подвал ГПУ каждого пролетария как контрреволюционеров за то, что они осмелятся заговорить об организации СРД п. И называют сами себя марксистами-ленинцами!!! А бюрократию, стоящую во главе производства и государства, его бюрократическую машину называют рабочим государством! И горе тем, кто дерзает в этом усомниться.

«Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, сами мы рабочие опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих [т. е. СРД п. – Г.М.], сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых надсмотрщиков, бухгалтеров (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней), вот наша пролетарская задача, вот с чего можно и должно *начать* при совершении пролетарской революции».4

Маркс и Энгельс в «Коммунистическом» Манифесте^е говорят, что первым шагом рабочей революции должно быть возвышение пролетариата на ступень господствующего класса – завоевание демократии, а Ленин говорит, что с этого надо начать при совершении пролетарской революции, надо начать с превращения СРД п. в главу производства и в основную ячейку государства.

Вожаки же бюрократии – Сталины, Бухарины и К^о – пишут программу Коминтерна, а о возвышении пролетариата, организованного в класс посредством СРД п., на ступень

4 Ленин. «Государство и революция», стр. 53.

господствующего класса – ни звука! Но если пролетарий напомнит им об их измене марксизму, тогда они расправляются с ними под одобрительное улюлюканье всей бюрократической оравы.

5. Частнособственнический и государственный капитализм и пролетариат

Почта в современном капиталистическом обществе организована по типу госкапиталистической монополии, говорит Ленин. Если все крупные предприятия, тресты превратить, как и почту, в госкапиталистическую монополию, в собственность государства, да и управлять им как почтой, через чиновников, директоров, начальников и т. д., и т. п., то мы будем иметь госкапитализм. Крупная буржуазия исчезла. Во главе производства стоит бюрократия, она из подчиненного в буржуазном обществе слоя превратилась в господствующий класс. Значит госкапитализм – это бюрократия, организованная в господствующий класс, бюрократия, стоящая во главе производства и государства. Бюрократия распоряжается всеми ресурсами промышленности, которыми до нее распоряжалась буржуазия. Господство буржуазии сменилось господством бюрократии. Как буржуазия подчиняет себе все выборные государственные организации в буржуазном государстве, так бюрократия подчиняет их себе в своем государстве. Рабочий класс и при бюрократическом государстве остается экономически и политически поработанным классом. Только теперь не буржуазия выступает в качестве эксплуататора и поработителя, а бюрократия.

«Государство, берущее на себя роль частного предпринимателя, занимается капиталистической эксплуатацией точно так же, как и частный предприниматель, и оно может эксплуатировать даже еще сильнее. Госкапитализм есть самая худшая форма капитализма, так как он сосредотачивает в одних руках экономическое и политическое могущество и, таким образом, может еще острее, еще интенсивнее, нежели частный капитализм, угнетать и эксплуатировать рабочих», – говорит Вильгельм Либкнехт в своей речи на Эрфуртском съезде, обосновывая Эрфуртскую программу. Чтобы избавиться пролетариату от новых захребетников, от новых эксплуататоров, поработителей – от бюрократии, ему надо самому возвыситься па ступень господствующего класса, ему надо организовать в класс посредством СРД п., и все те функции, которые делают бюрократию господствующим классом, – руководство и управление производством и распределением – взять в руки СРД п. Надо чтобы не бюрократ: директор, нач., зав, зам был распорядителем на фабрике, заводе, предприятии, тресте и т. д., а выборный СРД п. орган. Вот это и будет означать то, что говорил когда-то Ленин: «Свести государственных чиновников на роль

простых исполнителей наших поручений, <...> оплачиваемых средней платой рабочего». Вот это и есть наша пролетарская задача. Вот с этого и надо начать при совершении пролетарской революции, говорил Ленин. Это и только это подрывает основы социал-бюрократического строя, основы бюрократического всевластия, эксплуатации, порабощения, основы бюрократического режима. Вне этого все разговоры о борьбе с бюрократизмом есть разговоры, предназначенные на предмет физического и духовного порабощения пролетариата, на предмет обмана рабочих и крестьян.

Сталины, Бухарины и К^о называют возглавляемое ими государство рабочим. Это для того, чтобы рабочий класс поверил им и не боролся за рабочее государство. Они охраняют свою власть, власть и господство бюрократии. Но если то государство, в котором во главе производства и распределения стоит бюрократия, есть рабочее государство, то каким же будет государство, в котором пролетариат на деле является господствующим классом, т. е. классом, стоящим во главе производства, распределения, контроля и государства, когда его СРД п. стоят во главе производства, являясь в то же время «основной ячейкой государства пролетариата», кооперация возглавляет торговлю, выполняя все функции госторгов, наркомторгов и т.д., производственные союзы выполняют всю совокупность обязанностей Рабкрина, то вот это государство какое? Маркс-Энгельс-Ленин говорят, что рабочее государство. А что скажете вы, господа вожаки бюрократии Сталины, Бухарины и К^о? За один этот вопрос вы готовы расправиться с нами излюбленными вами способами: в тиши подвалов ГПУ, но от этого вопроса вам не отделаться никакими расправами. Пролетариат будет ставить и решать его вопреки вам и в борьбе с вами. А все честное, смелое, идейно чистое перейдет от вас на сторону пролетариата для борьбы и побед.

Для уничтожения бюрократизма, необходимо: 1) При сохранении существующих Сов<етов> Крестьян<ских> Депут<атов> (Сельсоветов) и Городских Советов (советов обывателей городов) организовать СРД п., передав им, как госорганизациям, управление производством. 2) Кооперации передать все капиталы, права и обязанности наркомторгов, госторгов, уничтожив последние. 3) Производственным союзам передать всю работу бюрократической машины государственного контроля, именуемого ныне рабоче-крестьянской инспекцией. 4) Уничтожить все Совнаркомы, созданные по образу Советов министров любого буржуазного государства, передав всю совокупность прав и обязанностей Президиумам ЦИК, организовав при них соответствующие отделы. 5) ЦИК сделать постоянно работающими организациями, а не сессионными *бестолковыми* говорильнями, съезжающимися для санкции действий бюрократии. 6) Уничтожить институт тайных расправ с инакомыслящими рабочими, крестьянами и интеллигенцией путем упразднения судебных функций ГПУ, обеспечивая возможность за каждым

тружеником гласность суда к защиты. 7) Признание прав и свобод за рабочими, крестьянами и интеллигенцией: свободы слова, печати, собраний, свободы организаций партий (коалиций) и т. д., не в меньших размерах, чем в передовых странах буржуазной диктатуры: Германии, Англии, Франции, Америки и т. д. 8) Амнистия всем рабочим, крестьянам и интеллигентам, засаженым в тюрьмы и ссылки за политику тайным судом ГПУ.

Но разве бюрократия в лице Сталиных, Бухариных и К^о на это пойдет? Ведь все это – смерть бюрократии, конец ее господству. Она также будет сопротивляться против организации рабочего государства, как буржуазия любой частнокапиталистической страны. Разве захочет буржуазия, чтобы пролетариат организовался в СРД п. и превратил их в организации, управляющие и производством и страной? Разве захочет буржуазия того, чтобы кооперация захватила торговый аппарат буржуазии и управляла и внутренней, и внешней торговлей?

Разве захочет буржуазия, чтобы производственные (проф<фессиональные>) союзы взяли на себя работу министерств государственного контроля? Нет! Она будет бешено сопротивляться этому, сопротивляться всеми мерами и средствами.

А как сопротивляется этому наша бюрократия? Разве не более сурово расправляется она с любым пролетарием, вздумавшим вести мирную пропаганду и агитацию за рабочее государство, чем буржуазия Германии, Франции, Англии, Америки и т. д., и т. п.?

Разве пролетариат имеет хоть часть тех формальных прав и свобод: свободы слова, печати, собраний, организации партий, которые он имеет в упомянутых частнокапиталистических странах?

Бюрократия говорит, что пролетариат имеет очень мало прав и свобод в частнокапиталистических странах, в странах диктатуры буржуазии. Да, это верно! Но пусть эта бюрократия даст *хотя бы те же права и свободы* рабочим, крестьянам и интеллигенции, какие они имеют в буржуазных государствах! Буржуазия признает за пролетариатом права на свободы: слова, печати, собраний, организации партий и т. д., но так как все средства производства, и в том числе и типографии, и бумажные фабрики, и дома, и транспорт, и связь находятся в руках буржуазии, то, чтобы воспользоваться этими свободами, пролетариат должен собрать по копейкам из своих трудовых грошей средства, чтобы иметь возможность издавать нужные ему газеты, журналы, книги, нанимать помещения для комитетов, собраний и т. д... Здесь свобода и права пролетариата ограничены экономическим рабством его.

В странах государственного капитализма все средства производства, принадлежавшие раньше буржуазии, находятся в распоряжении бюрократии. В этом суть отличия

госкапитализма от частнобуржуазного капитализма. Бюрократия России распоряжается всеми средствами производства, как и буржуазия частнокапиталистических стран, но помимо этого экономического порабощения пролетариата она еще лишает его тех формальных прав и свобод: слова, печати, собраний, организации партий даже в тех рамках и пределах, в каких допускает это буржуазная диктатура. Здесь даже на свои трудовые, облитые кровавым потом гроши нельзя издавать газет, журналов, книг (не бюрократического направления), ни организовываться в партии (кроме бюрократической), чтобы бороться *за освобождение от ига бюрократии* и за свое рабочее государство. Рабочее же государство, наряду с формальным, законным признанием прав и свобод за всеми тружениками, обеспечивает также материальную возможность пользоваться этими правами и свободами, делая типографии, дома, транспорт и связь, находящиеся в руках СРД п., доступными для пользования всем трудящимся.

Пролетариат как класс прямо заинтересован в существовании нескольких партий, чтобы иметь возможность выбирать между различными линиями и программами этих партий, чтобы не дать одной какой-нибудь партии захватить власть в свои руки и из слуг пролетариата превратиться в его повелителя и угнетателя, превратиться из борца за права и свободы для пролетариата в его поработителя, лишаящего прав и свобод.

Когда бюрократия кричит, что она зовет пролетариат частнокапиталистических стран бороться за свержение буржуазии, то пролетариат всех стран должен спросить: а кого стремится бюрократия поставить во главе производства – пролетариат, организованный в СРД п., или бюрократов, директоров, начальников, заводов, заводов и т. д.? Кого она стремится поставить во главе распределения – кооперацию или госторги и наркомторги, т. е. все тех же бюрократов? А кого она стремится поставить во главе государственного контроля – производственные союзы (профессиональные союзы) или бюрократию, назвав ее рабоче-крестьянской инспекцией? А будет ли пролетариат иметь права и свободы: слова, печати, собраний, организации партий, союзов и т. д. не меньше, чем он пользуется ими в частнокапиталистическом обществе, при диктатуре буржуазии?

За что бороться им, за государственный капитализм, за бюрократическое государство или за рабочее государство?

Прежде чем пойти на борьбу, пролетариат всех стран должен знать, за что бороться, чтобы освободиться раз и навсегда от эксплуатации и порабощения.

Старое Марксово знамя «Манифеста Коммунистической Партии», объявив задачей рабочей революции «возвышение пролетариата на ступень господствующего класса, завоевание демократии», есть знамя пролетарской борьбы против частнобуржуазного

капитализма и госкапитализма; и против буржуазии, и против бюрократии. Под ним соединятся пролетарии всех стран и победят.

6. Программа бюрократического обмана

Бюрократия во главе со Сталиными и Бухариными объявила, *что их власть, власть бюрократии и их партии* – это и есть диктатура пролетариата в союзе с крестьянством. Тот, кто усомнится в этом да и выскажет это вслух, тот будет иметь удовольствие побывать в подвалах ГПУ и испытать на себе «товарищеское» воздействие бюрократии. Бюрократия зорко охраняет власть и господство свое и свирепо расправляется с каждым тружеником, дерзнувшим поднять свой голос против всевластия, за рабочее государство. Вся «программа» самокритики, «рамки», в которые бюрократия ставит всякого «самокритика», есть рамки охраны и укрепления господства бюрократии с присущей бюрократическому государству однопартийной формой управления. В своем обращении «Ко всем членам партии, ко всем рабочим» ЦК ВКП(б) после бесшабашного бахвальства переходит к практическим мероприятиям, которые ЦК ВКП(б) намерен провести в жизнь. В области советского аппарата: 1) «Борьба с бюрократизмом и дальнейшее смелое упрощение аппарата!» Вы не шутите? Прямо жуть берет от их смелых начинаний! Сами себя хотят истребить! Но послушаем их – как же они хотят бороться с бюрократизмом. 2) «Выдвижение рабочих на государственную и государственно-хозяйственную работу, причем это выдвижение должно быть проводимо в порядке неуклонной, систематической, идущей неослабно изо дня в день работы». Вот видите? – целая революция! «Выдвижение рабочих на государственную и государственно-хозяйственную работу». Так что же, казалось бы, проще: дадим пролетариям организовать в СРД п., превратим их в хозяйственную и государственную организацию, организацию, управляющую хозяйством, производством, в то же время являющуюся «основной ячейкой государства». Это и по Марксу и по Энгельсу и по программе РКП(б) (не программа Коминтерна, а РКП(б), ибо из программы Коминтерна этот пункт, представляющий суть программы рабочей революции, тщательно вытравлен). Таким образом, пролетариат, организованный через СРД п., поголовно, изо дня в день, систематически и неуклонно принимает участие во всей государственной и хозяйственно-государственной работе, снизу доверху. Это и есть смерть всем бюрократам, бюрократизму, власти бюрократов над рабочими. Ведь это будет власть рабочих над бюрократами. А чтобы покончить совсем с бюрократизмом, надо еще и в области торговли послать побоку все бюрократические наркомторги и госторги. И все капиталы, аппарат, права и обязанности передать кооперации, за укрепление которой так

рьяно, в каждой газете, изо дня в день завывает бюрократия. А чтобы в области госконтроля не оставить бюрократию, которую для обмана рабочих и крестьян назвали «Рабоче-крестьянской инспекцией», – надо передать всю работу РКП, производственным союзам, пролетариям, организованным в свои поголовные организации – союзы. Вот и рабочим госконтроль!

Что вы, помилуйте, вопит бюрократия, да можно ли поголовные всеобъемлющие организации пролетариата СРД п. превращать в госорганизации?! Да виданное это дело? Вот даже Каутский и тот говорит, что этого делать – никак нельзя. Пусть он говорит. «Советы, – пишет Каутский, вспоминая их возникновение в 1905 году, – создали такую форму пролетарской организации, которая была наиболее всеобъемлющей из всех, ибо она обнимает всех наемных рабочих, в 1905 году они были местными корпорациями, в 1917 году – Всероссийским объединением».

«Уже теперь, – продолжает Каутский, – советская организация имеет за собой великую и славную историю. А предстоит ей еще более могучая и притом не только в одной России. Таким образом, – заключает Каутский, – советская организация есть одно из важнейших явлений нашего времени. Она обещает приобрести решающее значение в великих решающих битвах между капиталом и трудом, к которым мы идем навстречу. Но вправе мы требовать от Советов еще большего? Большевики, которые после ноябрьской революции 1917 года приобрели вместе с левыми социалистами-революционерами большинство в русских Советах РД, перешли после разгона Учредительного Собрания к тому, чтобы из Совета, который был до тех пор боевой организацией одного класса, сделать госорганизацию».

О каких Советах идет речь? Может быть, о сельских советах крестьянских депутатов, о земстве, поголовной организации мелкой буржуазии? Нет. Речь идет о СРД п., о поголовной, всеобъемлющей организации наемных рабочих всех предприятий.

«Великолепно, организуйтесь в Советы, пролетарии и беднейшие крестьяне. Но боже упаси, не смейте побеждать. Не вздумайте победить. Как только вы победите буржуазию, так вам тут и капут, ибо госорганизациями в пролетарском государстве вы быть не должны. Вы должны немедленно после вашей победы распуститься!»

«О, великолепный «марксист» Каутский! О, бесподобный теоретик ренегатства». Так говорит Ленин¹. Итак, «бесподобный теоретик ренегатства» против превращения СРД п. во главу производства и в «основную ячейку государства». Он за роспуск их. А бюрократия? А Сталины и Бухарины? Они тоже против. Они за роспуск их. Если Каутский бесподобный

¹ См.: «Пролетарская революция и ренегат Каутский».

теоретик ренегатства, то кто же в таком случае эти наши Бухарины и Сталины? Ведь, по мысли Маркса-Энгельса, эти СРД п. есть «давно искомая форма, вне которой и без которой рабочее государство немислимо, превращается в призрак, в обман». Чьими же последователями являются Сталины и Бухарины в этом коренном вопросе пролетарской революции, в вопросе о рабочем государстве, в вопросе: что же такое пролетариат, организованный в господствующий класс? *Каутскианцы или марксисты?*

Бюрократия не только против превращения СРД п. во главу производства и в государственную организацию, но она со звериной злобой и лютой свирепостью набросится на пролетариев, дерзнувших заговорить об организации СРД п. Они ренегаты в квадрате. Мы уже говорили, за какое «орабочение» госаппарата они ратуют – за такое же, как и буржуазия. Ведь буржуазия также вербует из рабочей среды чиновников, чтобы при помощи их еще лучше держать пролетариат в повиновении. То же самое делает и бюрократия, которая непрестанно спекулирует на рабочем происхождении некоторых бюрократов.

Но это неправда! Клевета! Самая гнусная инсинуация (клевета) и поклеп на нашу «когорту» и «старую гвардию». Ведь стоит же она за производственные совещания! Вот послушайте: «Оживление работы производственных совещаний. Обеспечение на деле возможно более быстрого проведения в жизнь практических предложений рабочих».

Ну вот, то-то же и есть! Однако немножечко истории. Когда узаконены производственные совещания? После выступления «Рабочей группы» РКП в 1923 году. Чтоб не организовывать СРД п., как того требовала «Рабочая группа», поддержанная рабочими, бюрократия, почуяв беду, решила подменить их «производственными совещаниями». И последние были выдвинуты исключительно как орудие обмана пролетариата в руках бюрократии, чтоб дезорганизовывать движение пролетариата в пользу создания СРД п. Это рабочие совещания без всяких прав. Бесплатное приложение к всевластной бюрократии: директору, начу, заву, заму и т. д. примерно с такими же правами, как Булыгинская дума. Но помимо этого Бухарин выболтал тайну «производственных совещаний». Оказывается, в Америке буржуазия тоже имеет производственные совещания. Разница между нашими и американскими производственными совещаниями одна, и состоит она в том, что в Америке пожелания производственных совещаний проводятся на 85 %, а у нас же на 35-40 %.² В этом, и только в этом разница. Но как в Америке производственные совещания не только не ослабляют господства буржуазии, но и удешевляют издержки ее господства, так и у нас они не только не ослабляют господства

² См. речь Бухарина на XV партсъезде.

бюрократии, но удешевляют издержки господства бюрократии над рабочим классом; ибо она, а не кто-нибудь, воспользуется советами и опытом рабочих по улучшению процессов производства, и она же эту видимость участия пролетариата в управлении производством всячески использует для того, чтобы держать в узде и повиновении рабочих.

Чего не хочет и не захочет буржуазия Америки? Превращения этих производственных совещаний в СРД п., которые бы взяли управление производством и государством. Этого буржуазия Америки не хочет и не захочет. А почему же она этого не хочет? Да потому, что это ее социальная смерть, уничтожение буржуазии.

Ну, а разве наша бюрократия хочет, чтобы мы, рабочие, превратили эти производственные совещания в СРД. п. и поставили бы их во главе производства и государства? Конечно, нет! Она наговорит тучи хитросплетенной лжи, чтобы запугать пролетариев и затуманить их сознание. Если же пролетарии все-таки захотят этого, то против них будут пущены в ход все силы ГПУ. Бюрократия не остановится перед кровавой расправой с рабочими, защищая свое государство. И, тем не менее, пролетариат захочет это сделать и сделает.

Почему не хочет бюрократия превращения производственных организаций в СРД п.? Потому же, почему не хочет этого буржуазия Америки, ибо это также есть социальная смерть самой бюрократии, уничтожение бюрократии.

Но, кроме производственных совещаний, созданы контрольные комиссии. ЦК ВКП(б) постановляет: «Распространить контрольные комиссии на все отрасли производства и транспорта». Тоже немножко истории. Контрольные комиссии созданы в 1925 году. И это было ответом на лозунг «Рабочей группы» – «контроль производственным союзам»! Это было ответом на лозунг передачи всех функций рабоче-крестьянской инспекции производственным союзам. Чтобы отвлечь внимание рабочих от этого лозунга, затемнить их сознание, не поступившись ни капелькой из своих прав, бюрократия создала временные контрольные комиссии с теми же правами, что и производственные совещания (т. е. без всяких прав), и, конечно, будет всеми силами и средствами сопротивляться передаче всех прав и обязанностей Рабкрин Союзам. Томские, Догадовы и К^о играют при этом ту же роль, какую играли меньшевики и эсеры в С<оветы> Р<абочих> и С<олдатских> Д<епутатов> до Октября 1917 года, всячески отказываясь взять власть в руки Советов и старательно отговаривая от этого пролетариат. Разница же между ними та, что Скобелевы, Чхеидзе и К^о отказывались брать власть в руки Советов в пользу буржуазии, а Томские и Догадовы в пользу бюрократии. Томские, Догадовы и прочая профбюрократия старательно уговаривают рабочих не брать в руки своих поголовных организаций-союзов дело госконтроля, а оставить его в руках бюрократии, именуемой Рабкрином. Еще старательнее

бюрократия профсоюзов внушает рабочим, чтобы те не вздумали организовывать СРД п. и превращать их в государственные организации, возглавляющие производство. Для этого все пускается в ход: застрашивание, подкупы, клевета, тайные расправы ГПУ, и все это обильно прикрывается бесшабашной трескотней о рабочем государстве, диктатуре пролетариата и пролетарской демократии.

Так борются с бюрократизмом в госаппарате и «оживляют» работу профсоюзов.

Теперь посмотрим, каким образом «оживляют» партийную работу. Всякий знает, что каждый год, и того чаще, у нас «оживляют» работу Советов, союзов, кооперации, партии и т. д... Так что ничего специально «самокритического» в этом очередном и теперешнем «оживлении» нет. Это обычные бюрократические штуки, к которым все привыкли и цена которым известна всем. На этот раз мы уже видели, как бюрократы оживляют работу Советов и профсоюзов. Есть и другие пункты «оживления» их, но, так как они никакого принципиально важного значения не имеют, то мы на них останавливаться не будем. Партийную работу решили «оживить» так: 1) «Обеспечить свободу внутренней критики». 2) «Обеспечить полную выборность партийных инстанций».

Просмотрите все постановления с 1921 года и до настоящего момента по вопросам партийного строительства и партийной жизни и найдите хоть одно, которое не заботилось бы о внутрипартийной демократии, о свободе критики, о выборности всех партийных инстанций и т. д.?...

И каждый раз начинают с этого самого места: с «оживления» путем «свободы критики» и «выборности всех инстанций». Почему это? Потому что бюрократия не способна по самой природе своей строить жизнь партии на основах пролетарской демократии. Требовать от бюрократии, чтобы она строила жизнь своей партии на основах пролетарской демократии – это все равно, что от лягушки требовать песен соловья. Наше дело вскрыть всю фальшь и ложь всех этих марксистских словечек и фраз, предназначенных для обмана пролетариата и крестьянства. Бюрократия для оправдания собственного господства форму управления своего государства выдает за рабочее государство, за идеальное государство. В этом она похожа на господствовавшие прежде нее классы, выдававшие форму своего господства за «царствие Божие на земле», за идеал, и его же не преjdeши. Утверждая это, бюрократия должна обосновать, и вот выдвигается теория, что пролетариат не может осуществлять свою диктатуру через поголовную всеобъемлющую организацию – СРД п., а через нее, через бюрократию, через ее партию, и отсюда уже положение, что диктатура класса (пролетариата) есть власть одной единственной и единой партии, не допускающей существования никаких других партий. Эта горе-теория нелепа. Всякий знает, что в частнокапиталистических государствах

помимо правящей партии существует множество других. Больше того. То и дело во всех буржуазных государствах правят, стоят у власти несколько партий сразу, образуя коалицию: правительство «левого блока» во Франции, министерство Мюллера в Германии, Брантинга в Швеции и т. д. и т. п... Не кто-нибудь, а «Правда» сообщала, что в выборах в Германский Рейхстаг участвовало тридцать партий, во Французскую палату до десяти и т. д., в том числе и партии коммунистические, ставящие себе целью вооруженное низвержение буржуазии. Но значит ли это, что в частнокапиталистическом обществе диктатуры не существует? Ничуть не значит. Раз существует государство, то существует и диктатура, и демократия. Это неотделимые свойства всякого государства.¹ Многопартийная форма правления буржуазного государства отнюдь не мешает наличию диктатуры, как однопартийная форма управления мелкобуржуазно-бюрократического государства России не мешает наличию демократии для господствующего класса, для бюрократии.

Однопартийная форма управления присуща не только господству бюрократии, она присуща была и дворянству, феодалам, средневековью. Там тоже диктатура класса, дворянства, была диктатурой партии, как диктатура и власть партии в современной России есть диктатура бюрократии. Надо полагать, что древнее государство родовой и племенной знати, на смену которого пришли рабовладельческие республики Афин и Рима, были тоже с однопартийной формой управления. Так что история человечества знает две формы, две системы управления – однопартийную и многопартийную. Но как при той, так и при другой существует диктатура и демократия. В современной России мы имеем однопартийную форму управления, и диктатура партии здесь равна диктатуре класса – бюрократии, которая стоит во главе производства, распределения и государства, сосредотачивая в одних руках и экономическое и политическое могущество. Бюрократия внушает пролетариату, что ее господство и есть рабочее государство. Она руководствуется при этом исключительно своими корыстными, классовыми интересами, желая обмануть пролетариат, подчинить его своему духовному влиянию и тем самым укрепить, охранить свое господство. Охраняя свое господство и государство с однопартийной формой управления, бюрократия не хочет и не может допустить такой критики ее политики, которая послужила бы основой, платформой другой партии. Пусть это будет самая мирная, самая умеренная и угодническая критика (как октябристская критика самодержавия), самая «умеренная» и «аккуратная» платформа либералов (вроде Троцкого, Зиновьева и Каменева), но она не будет допущена до организационного оформления, до организованной

¹ См. Борисов «О рабочем государстве», нелегальное гектографированное издание.

критики, до критики группой (до «смеха скопом»), партией, организацией, до критики ежедневной, постоянной, изо дня в день воюющей за влияние на массы пролетариата, крестьянства и интеллигенции; на выборах в правления союзов, кооперации, кассы социального страхования, в Советы и т. д., везде и всюду конкурируя с правящей партией, выдвигая свою программу и своих кандидатов.

Если бы бюрократия допустила это, то охранять свое господство сделалось бы для нее трудней. И она сделает уступку эту только под действием силы. Но и тогда она еще не потеряет своего господства. Но это будет началом конца. Пролетариат же тогда скорее поймет необходимость организации СРД п. и превращения их во главу производства и госорганизации, необходимость передачи кооперации всех функций госторгов, наркомторгов, а производственным союзам всех прав и обязанностей рабкрина. А это и будет могилой бюрократическому всевластью, насилию и господству. Значит, оставаясь верной своим классовым интересам, бюрократия не потерпит организованной критики, которая только и доступна пролетариату, не потерпит критики ее линии, линии Политбюро ЦК ВКП(б), линии ее партии и комитетов. Но раз бюрократия не потерпит «платформенной критики», критики, имеющей свою точку зрения, свою платформу, свою программу, то это и значит, что она не потерпит никакой критики – ибо критики не «платформенной», критики, которая не имеет своей точки зрения, своей программы – такой критики нет. А если же такая и водится в природе, то это просто пустая болтовня, сплетни, «критика» грязненьких делишек маленьких людишек. Такую критику допускают самые деспотические государства. Там, где нет свободы организации партий (свободы коалиции), там нет и не может быть свободы критики. Это азбука, которую нам преподавали в нелегальных кружках низшего типа в 1906 году. Теперь эту азбуку старательно забывают, и немало стараний прилагается для того, чтобы ее забыли все пролетарии.

Господство бюрократии наиболее полно обеспечивается при однопартийной форме управления, когда существует только одна партия, партия бюрократии. Поэтому бюрократия употребит все силы, чтобы не допустить возникновения других легальных партий. А это и значит, что бюрократия не потерпит, не допустит критики своей политики, своей линии. И всякую критику линии ее партии бюрократия будет изображать как контрреволюцию, меньшевизм, пугая всех и все адом кромешным и муками за всякое инакомыслие, ересь и неверие. А если же не поможет и это, тогда на помощь придет ГПУ и будет внушать пролетариям, крестьянам и интеллигентам правильность аргументации ЦК ВКП(б) уже по-своему.

Оставаясь верной себе, может ли бюрократия допустить внутрипартийную критику? Разумеется, нет. Ибо внутрипартийная критика есть прежде всего критика политики

комитетов, в том числе и ЦК. Критика их линии и противопоставление ей своей линии, а это неизбежно упирается в вопрос о группировках, о фракциях. Фракция же есть потенциальная, скрытая возможность особой, другой партии. И тот, кто не будет допускать существования партий, тот не допустит существования групп, фракций. А это значит, что тот, кто не допускает внепартийной критики, тот не допустит и внутрипартийной. Вот почему расправились с оппозицией, без различия направлений, методами ГПУ. И когда бюрократия после этой расправы в тысячу и первый раз возвещает миру, что она желает «обеспечить свободу внутрипартийной критики», то понимающие дело пролетарии знают, что это бюрократические фокусы для обмана пролетариата и крестьянства.

7. Пролетарская демократия — смерть бюрократии

При зарождении большевизма в 1904 году, в июле месяце, состоялась конференция 22-х большевиков, которая вынесла следующее уставное постановление: «Гарантирование уставным путем партийных способов ведения партийной борьбы. Необходимость такой реформы выясняется из всего опыта послесъездовской борьбы. Требуется обеспечить в уставе партии право всякого меньшинства, чтобы этим путем отвести постоянные и неустранимые источники разногласий, недовольства и раздражения из старого обывательского русла скандала и грязи в непривычное еще русло оформленной и достойной борьбы за убеждения. К необходимым условиям такого поворота мы относим следующее: Предоставление меньшинству одной (или более) литературной [sic] группы с правом представительства на съездах самых широких формальных гарантий относительно издания партийной литературы, посвященной критике деятельности центральных учреждений партии. Формальное признание права комитетов получать (в общепартийном транспорте [sic]) те издания, которые им угодно. Точное определение границ влияния ЦК влиять на личный состав комитетов».¹ О чем гласит это постановление, господа бюрократы? Эй, вы, кто там?! Сталины! Бухарины! Не прячьтесь за ГПУ, а скажите нам, о чем здесь постановляли большевики? О том ли, чтобы обеспечить права меньшинства, одной или более групп для идейной борьбы с большинством, чтобы меньшинство могло критиковать деятельность, теорию и практику центральных учреждений партии, в том числе и съездов; или о том, чтобы запретить и не дать никакой группе членов партии критиковать деятельность центральных учреждений? Чего хотели здесь большевики? Скажите-ка нам, непогрешимые казеннокоштные вожаки «марксизма»!

¹ См.: «ВКП (б) в резолюциях ее съездов и конференций» (1898 – 1926). М., стр. 30.

Да, большевики не боялись ни критики, ни антикритики и ее результатов. Никаких икон! Никакого запрета для критики всякого постановления съездов, конференций, центрального и местных комитетов. Наоборот! Большевики заботились о том, чтобы как можно шире и реальнее обеспечить права всякого меньшинства по изданию литературы, направленной против центральных учреждений партии, и этим путем они стремились облагородить борьбу, поднять ее выше дрызг, сплетен, скандалов – до достойной борьбы за убеждения. Что имеет общего этот большевизм с тупой унтер-пришибеевщиной Сталиных, Бухариных и К°?

Теперь, спрашивается, как выглядят в уставе партии те гарантии, о которых заботятся 22 большевика? На первом же съезде после этой конференции устав был изменен и в него внесены эти «гарантии прав меньшинства». «Центральный комитет обязан созвать в течение двух месяцев съезд, если созыва съезда требуют партийные организации, имеющие вместе право на половину голосов на съезде. В случае отказа ЦК созвать съезд при требовании половины комитетов съезд созывается организационным комитетом выбранных на конференции представителей от полноправных комитетов. О.К. по созыву съезда пользуется всеми правами ЦК» (там же). Таким образом, группы меньшинства получили гарантии, что если бы они своей критикой деятельности центральных учреждений партии собрали на своей платформе 1/2 членов партии (в последующих постановлениях съездов это количество было снижено до 1/3), то они имеют право потребовать созыва чрезвычайного съезда. А если ЦК откажется созвать его, то эти группы образуют Орг<анизационный> Ком<итет> и сами, помимо ЦК, в прямой борьбе с ним, созывают этот съезд. Вот как выглядят уставные гарантии прав меньшинства. Так было до 1921 года. Этот опыт большевиков испытан огнем трех революций: 1905 и 1917 годов. Такое внутреннее строение партии тесно смыкало ее с живыми силами революций и дало великие и славные победы, каких не видел мир.

Что имеет общего этот большевизм с мымрецовщиной Сталиных, Бухариных и К°?

Только после переворота, подготовленного сдвигами в соотношении классовых сил в пользу мелкой буржуазии с 1917 по 1920 гг., в результате которого пролетариат был низвергнут со ступени господствующего класса, а его место заняла бюрократия, что и было формально зафиксировано IX съездом РКП, постановившим упразднить коллегиальность и выборность управления промышленностью и ввести единоначалие и назначенство, – только после закрепления переворота в согласии с обозначившимися стремлениями бюрократии к однопартийной форме управления на X съезде выносятся постановления уже не о гарантиях прав меньшинства, не о гарантиях прав одной или более групп на критику теории и практики центральных учреждений партии, а о воспрещении всем членам партии

организованной критики, о воспрещении организовываться в группы, фракции. Постановление это обильно прикрыто болтовней о внутрипартийной рабочей демократии, о праве каждого члена на критику и т. д., и т. п... Критикуйте, товарищи, только не «скопом», не скопляйтесь, не группируйтесь, и покритикуйте без платформы, без точки зрения, без программы. Но ведь это значит лишить членов партии всякой критики, оставив право сплетен, дрызг, склок, взаимных подсиживаний и скандальчиков? И потому-то с тех пор каждый год, а то и два раза в год, выносятся постановления о внутрипартийной демократии, о свободе критики, выборности и т.д... Своими ежегодными постановлениями бюрократия красноречивее всего рассказывает, что никакой внутрипартийной критики, никакой свободы критики, никакой выборности не было и быть не могло. Только возвратившись к революционным традициям революционного марксизма (большевизма), регулировавшим жизнь партии с самого ее зарождения и до 1921 года, можно будет провести внутрипартийную пролетарскую демократию. Но для этого надо быть пролетарской партией, а не бюрократической. «Рожденные ползать летать не могут».

Теперь о выборах. Выбирают там, где есть из чего выбрать. Когда вы приходите в магазин и находите там один сорт папирос, то выбирай, не выбирай, а этот сорт возьмешь. Там, где имеется всего только одна точка зрения, одна программа, одна линия, и им нельзя противопоставлять никакую другую, то выбирай, не выбирай, – эта программа, эта система политики, эта точка зрения будут проводиться. Придешь ли ты на выборы или не придешь, будешь ли выбирать или не будешь, выберешь ли ты Степана, Ивана, Кондрата или еще там кого-нибудь, линия, система политики, программа будет осуществляться та же. Здесь выборы теряют всякий смысл и превращаются в пустую, поистине бюрократическую формальность, где бюрократия получает формальное право продолжать свое правление и господство все в том же духе. Так дело обстоит с «выборностью всех партийных инстанций». То же самое можно сказать о выборах в союзные, кооперативные, советские и т. д. органы. Коль скоро на выборах принимает участие одна партия, партия бюрократии, то выбираешь ли ты или нет, а за этой партией большинство всегда обеспечено. Придешь ли ты на выборы или нет, – пройдут кандидаты все этой же партии. Если же наряду с ними пройдут еще и «честные беспартийные», то только потому, что так было угодно бюрократии, которая по этому поводу не замедлит развести демагогию: «А вот, посмотрите, – начнет она кричать, – всюду такая свобода выборов, что даже беспартийные проходят в члены Советов».

А на самом деле-то ни одна из групп населения, ни пролетариат, ни крестьянство, ни интеллигенция не имеют права организованного участия в выборах: группой, партией со своей программой, тактикой, конкурируя с партией бюрократов. Влиять же на выборы

можно только организованно. Что сказала бы бюрократия про выборы в Германский Рейхстаг, если бы там имела право участвовать в выборах одна партия – расисты? Что бы она сказала про получаемое расистами большинство? А если бы в этой Германии проведена была система государственного капитализма, буржуазия была бы уничтожена, все крупные и средние предприятия являлись бы собственностью государства, управляемые через назначение партией директоров, начов и т. д. и т. п., и тевтонцы (фашисты Германии) сосредотачивали бы в своих руках все ресурсы промышленности, торговли, транспорта, связи, печать, дома и т. д., и т. п., и из года в год на всех выборах во все организации проходили бы кандидаты тевтонцев с придатком «беспартийных» (честных!), то что бы сказала бюрократия? Что было бы в данном случае в Германии: рабочее ли государство и пролетарская демократия? Пожалуй, тевтонцы сказали бы, что у них социализм, а идут они к коммунизму. На самом же деле пролетариат выбирает здесь того или другого члена господствующего класса, который будет представлять и подавлять пролетариат, даст свою санкцию, свое благословение всевластвующей бюрократии. Многие товарищи так пленены «теорией» бюрократии, что диктатура класса есть власть одной единственной и единой партии, не допускающей существования никаких других партий, что никак не могут возвратиться на позиции марксизма по этим вопросам. Они говорят: «Хорошо, у нас государство не рабочее, а бюрократическое, но оно будет рабочее тогда, когда все у нас будет сделано по Марксу: СРД п. возьмут управление производством, кооперация – торговлю, а Союзы всю работу Рабкрина, СРД п., помимо управления производством, вместе с СКД (сельсоветами) и Городскими Советами начнут управлять страной, государством. Но кто же все-таки будет здесь руководить пролетариатом? Партия? Да, партия. Ну, так ведь это значит, что диктатура пролетариата опять будет диктатурой партии! Совсем не значит. Это значит то, что пролетарское государство не обходится без политических партий, которые, то одна, то другая, то третья, а то и все вместе, руководят в данный момент государством. Но это совсем не значит, что, как только та или иная партия дорвалась до власти, то лишала все население, в том числе и пролетариат, права организации партий (права коалиций). Совсем напротив. Крестьяне, которые имели в буржуазном обществе права организации партий, а значит и свободы слова, печати, – в пролетарском государстве не лишаются этих прав и свобод. Если мы хотим обеспечить себе симпатии крестьянства, то как мы можем ставить себе задачей лишение его всех прав и свобод, которыми он пользовался в буржуазном государстве? Если разговоры о союзе, о смычке пролетариата и крестьянства не звук пустой или обман, то мы должны этот союз строить на общих интересах пролетариата и крестьянства. А ясное же дело, что крестьяне заинтересованы – и кровно заинтересованы – в том, чтобы обладать всеми правами и

свободами, в том числе и свободой коалиций не в меньшем объеме, чем это имеют крестьяне в буржуазном государстве. И они, возможно, будут иметь свою партию, а может быть, не одну. Дело пролетариата не лишать прав и свобод крестьянство, а обеспечить за ним материальную возможность пользоваться ими, обеспечить: типографиями, бумагой, транспортом, связью, домами: обеспечить эти партии наравне с другими пролетарскими партиями. Кроме того, рабочая партия – если она только действительно рабочая – не может ставить себе целью лишать пролетариат прав и свобод. Наоборот, потому-то она и рабочая партия, что борется за права и свободы для пролетариата. Та же партия, которая под тем или иным предлогом лишает пролетариат прав и свобод, – перестает быть рабочей партией. Если пролетариат пойдет на борьбу против буржуазного государства, на борьбу тяжелую, жертвенную, то совсем не потому, что хочет лишиться себя прав и свобод: слова, печати и т. д., какие он имел в буржуазном государстве. Наоборот, он ведет борьбу за приобретение новых прав и свобод, за уничтожение ограниченности и недостаточности их в буржуазном государстве, за безграничное их расширение для себя. Помимо законного, формального признания прав и свобод: слова, печати и т. д., которые признаны и в буржуазном государстве, пролетарское государство обеспечивает эти права материальными средствами, предоставляя партиям типографии, бумагу, дома, транспортные средства и связь. Этим пролетарская демократия отличается от буржуазной и бюрократической. Помимо этого – многопартийная форма управления служит гарантией от захвата власти одной партией и превращения ее из слуги народа в его повелителя, эксплуататора и поработителя.

А не может ли эта пролетарская свобода быть использована для свержения пролетариата? Нет. И вот почему. Во-первых, рабочее государство есть самое прогрессивное из всех форм и типов государств, когда-либо существовавших, оно наиболее полно обеспечивает интересы всех тружеников и человечества в целом, давая небывалый простор развитию производительных сил общества. Значит, опасность существует не от партий, не от классов, представляющих будущее, а от классов и партий, представляющих прошлое. Во-вторых, в Англии, где 90 % пролетариев, 5 % капиталистической буржуазии, существует эксплуатация, угнетение пролетариата со стороны этой кучки в 5 %. Там существует много партий, в том числе и партия Коммунистическая, ставящая себе целью вооруженное низвержение буржуазии, и анархисты, и синдикалисты с подобными же целями. Существуют они легально. Помимо этих революционных партий существуют партии правого порядка, буржуазные партии, консерваторы, либералы, рабочая партия, независимая рабочая партия. В чем сила буржуазии? В том, что в ее руках все материальные средства, и она своим экономическим господством подчиняет пролетариат и

духовно и политически; из 90 % пролетариата всего каких-нибудь 5 % голосуют за Компартию.

Допустим теперь обратное. Пролетариат возвысился на ступень господствующего класса, и овладел всеми материальными средствами, и организовался в свое государство. Теперь СРД п. управляют производством и страной, кооперация – торговлей, а союзы контролируют. Спрашивается, если буржуазия, составляя 5 % населения и владея всеми средствами производства, распределения, транспорта и т. д., которыми теперь завладел пролетариат, не нуждалась в течение сотен лет своего господства в формальном запрещении пролетарских организаций, то пролетариат, составляя 90 % населения, владея теми же средствами, что и буржуазия, совсем не будет нуждаться в формальном запрещении организаций буржуазии. Легальное существование буржуазных партий в пролетарском государстве будет менее опасно для пролетариата, чем легальное существование пролетарских партий в буржуазном государстве для буржуазии. Так стоит вопрос. Но это, разумеется, для периода после гражданской войны, после подавления эксплуататоров. И если военно-политические обстоятельства продиктуют необходимость лишения прав и свобод – слова, печати и т. д. – тех элементов, которые явно содействуют и сочувствуют врагу пролетариата, ведущему вооруженную борьбу с ним, то сделать это нужно твердо и без колебаний.

Итак, многопартийная форма управления наиболее полно обеспечивает интересы пролетариата, крестьянства, интеллигенции и всех тружеников, давая простор сильнейшему развитию производительных сил рабочего государства, что ведет к превращению всего общества в одну большую работающую корпорацию, в большую «фабрику» и превращению всего общества в свободную «ассоциацию производителей, где счастье каждого явится условием счастья всех», ведет к коммунизму, к отмиранию государства, диктатуры, демократии и политических партий. Если господству буржуазии не угрожает опасность, когда в выборах в ее рейхстаги принимают участие тридцать партий, то господству пролетариата не будет угрожать опасность, если в СРД п., в сельские советы, в городские Советы, в правления кооперативов, союзов и т.д. будут принимать участие триста партий.

Бюрократия против такой критики, которая подрывает самые основы всевластия бюрократии, которая стремится возвести пролетариат на ступень господствующего класса, которая критикует не только грязенькие делишки маленьких людишек: артемовцев, смоленцев и т. д., а всю линию бюрократии, возглавляемой Политбюро ЦК ВКП(б), создающих затхлую атмосферу, приводящую к смоленским, артемовским и т. д. историям. Она против такой критики, которая зовет к уничтожению господства и всевластия

бюрократии. Она будет бороться всеми мерами: тайными расправами, ссылками, тюрьмами, клеветой, провокацией, обманом с такой критикой, прикрывая свою расправу обильной болтовней о «свободе критики», о «самокритике».

Весь разговор о «свободе критики», о «самокритике» есть один из способов обмана пролетариата и крестьянства, чтобы укрепить господство бюрократии. Особенно назойливо и разнузданно кричит о «самокритике», о «свободе критики» «Комсомольская Правда», которая одна из первых требовала расправы с иначе думающими, чем бюрократия из Политбюро ЦК ВКП(б), рабочими, крестьянами и интеллигентами.

Кого сейчас под треск фраз о «свободе критики», о «самокритике» рассаживают по тюрьмам, рассылают без всякого суда и защиты в «гиблые места»: Березовки, Обдорски, Турухански, обрекая на медленную смерть? Кого? Разве не пролетариев, крестьян и интеллигентов, осмелившихся критиковать систему бюрократического всевластия, господства насилия и произвола?

«В эту самокритическую чистку мы должны вовлечь широкие массы наших рабочих, уничтожая все те препятствия, которые мешают сейчас свободе критики», – пишет «Комсомольская Правда»¹. А какие это «препятствия, которые мешают свободе критики»? Первое из них – это тайная расправа в застенках ГПУ со всякими иначе думающими рабочими, крестьянами и интеллигентами. Второе «препятствие» – отсутствие прав у вышеназванных вести критику организованно, «скопом», группой, партией систематически во всех формах. Третье «препятствие» – отсутствие прав *крестьян, рабочих* и интеллигентов вести критику, имея свою точку зрения, платформу, программу, издавая не казеннокоштные, социал-бюрократические газеты, журналы, книги.

Господа писучие бюрократы из редакции «Комсомольской Правды», вы против уничтожения этих «препятствий»?

Или вы будете делать так: писучие бюрократы из редакций газет, журналов будут кричать об «уничтожении» «препятствий», «которые мешают свободе критики», а бюрократы ГПУ под шум и треск этих фраз будут расправляться в своих подвалах с иначе думающими, чем писучая бюрократия редакций (вроде «Комсомольской Правды») рабочими, крестьянами, и интеллигентами?

И вот хотят, чтобы рабочие верили этой бюрократической пачкотне о «свободе критики»! Нет, этот номер не пройдет!

¹ См.: Огонь самокритики по бюрократизму// Комсомольская Правда, № 135, 13 июня 1928 г.

«Беда в том, что многие рабочие не верят еще в безопасность критики начальства, и, главное, в «применение критики». Когда вчерашний густопсовый бюрократ и «зажимщик» за ночь меняет свою личину и выступает в роли стопроцентного апостола самокритики, рабочий не может сразу проникнуться доверием к нему и излить ему всю душу свою,» – пишет та же газета. Что правда, то правда. Рабочие не могут поверить не только вчерашним густопсовым бюрократам, но и сегодняшним, которые произвели разделение труда между собою: один в тиши подвалов ГПУ тайно, вдали от пролетарских глаз расправляется с инако-думающими пролетариями, крестьянами и интеллигентами, а другие густопсовые бюрократы, заседающие в редакциях газет, пишут, что у нас есть свобода критики, чем и прикрывают эти расправы. Вчера еще густопсовые бюрократы из редакции «Комсомольской Правды» требовали расправ над оппозицией, над всеми рабочими, крестьянами и интеллигентами, выступавшими с организованной оппозиционной критикой бюрократического всевластия, произвола и насилия, а сегодня орава густопсовых бюрократических писак неистово горланит о «свободе критики», «выступая в роли стопроцентного апостола самокритики», проливая слезу насчет того, что, мол, наша «беда в том, что многие рабочие не верят в безопасность критики», не верят этой очередной стряпне бюрократической кухни. Это хорошо. Правильно, товарищи рабочие! Не верьте болтовне бюрократии. До тех пор, пока не прекратятся тайные расправы в ГПУ над инакомыслящими рабочими, крестьянами и интеллигентами, до тех пор, пока рабочие, крестьяне, интеллигенты не будут иметь права издавать газеты, книги, журналы иного направления, чем издает бюрократия, до тех пор, пока томятся в тюрьмах, ссылках рабочие, крестьяне и интеллигенты, запрятанные туда бюрократией, горланиющей о свободе критики, до тех пор, пока бюрократия не даст все эти гарантии, – нельзя верить бюрократической ораве писак и болтунов, горланиющих о свободе критики!!! Рабочие, крестьяне, интеллигенты будут, конечно, пользоваться всякой возможностью, чтобы изобличить казнокрадов, взяточников, насильников, но, делая это, они будут твердо знать, что уничтожение всевластия, произвола, насилия, порабощения и эксплуатации бюрократии возможно только путем «возвышения пролетариата на ступень господствующего класса, завоевания демократии»: только когда пролетариат, организованный в класс посредством СРД, встанет во главе производства вместо бюрократии, когда он, организованный в кооперацию, встанет во главе распределения – вместо бюрократических госторгов, когда пролетариат, организованный в производственные союзы, возьмет всю сумму прав и обязанностей бюрократической, с позволения сказать, рабоче-крестьянской инспекции, когда СРД п. вместе, в союзе с Советами Крестьянских Депутатов (сельсоветами) и Городскими Советами будут управлять государством, образуя государство смычки, союза

рабочих, крестьян и интеллигентов, только тогда они будут иметь права организации партий (свободу коалиций), иметь свободы: слова, печати, собраний несравненно в больших размерах, чем в самых свободных буржуазных государствах. Впервые в истории человечества за все века существования классового общества труженики будут поистине свободными. Только этим путем будет положен конец господству, всевластию, насилию, произволу и порабощению со стороны бюрократии.

Рабочие! Берите знамя «Коммунистического манифеста» в свои руки, и вперед на борьбу! Помните: «Освобождение рабочих – дело самих рабочих»!

«Никто не даст нам избавленья:

Ни бог, ни царь и ни герой!

Добьемся мы освобожденья

Своею собственной рукой!»

Пусть нас по тюрьмам сажают,

Пусть нас пытаются огнем,

Пусть в рудники нас ссылают.

Пусть мы все казни пройдем!

Пусть! А в нашей рабочей слободке будет праздник!

1931 г.